

Волнует страсти и наслаждений

КЭТРИН ТЕЙЛОР

Цвет любви

КНИЖКА
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Кэтрин Тейлор

Цвет любви

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2012

УДК 821.112.2
ББК 84.4Г

Тейлор К.

Цвет любви / К. Тейлор — Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», 2012

ISBN 978-966-14-6149-8

«Он так красив, так мрачен, так соблазнителен. И чертовски недостижим», — думала Грейс о своем новом шефе. Ни один мужчина еще не вызывал в ней таких чувств. И вот он сделал шаг навстречу... Грейс просто тает в его руках. Но... если у этой любви есть цвет, то он черный.

УДК 821.112.2
ББК 84.4Г

ISBN 978-966-14-6149-8

© Тейлор К., 2012
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2012

Содержание

1	6
2	11
3	18
4	22
5	26
6	31
7	38
8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Кэтрин Тейлор

Цвет любви

Переведено по изданию:
Taylor K. Colours of Love

© Bastei Lübbe GmbH & Co.KG, Köln, 2012

© DepositPhotos.com / Levent Üregenç, обложка, 2014

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2014

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление,
2014

* * *

М., тому, кто заставляет мой мир звучать

1

Я волнуюсь настолько сильно, что у меня дрожат руки. И, чтобы никто не заметил этого, я сцепила их на коленях, время от времени задумчиво щелкая застёжкой ремня без-опасности. Мы уже почти на месте. Осталось совсем чуть-чуть. Наконец-то...

– Мисс, ремень должен быть застегнут. Мы приземляемся.

Появившаяся словно из ниоткуда стюардесса, высокая, светловолосая, загорелая и до невозможности стройная, указывает на табло со светящимися знаками над нашими головами. Я торопливо киваю головой и отправляю металлическую деталь на место. Стюардесса не обращает внимания на мои извинения, мельком улыбается моему соседу, сидящему у окна: тот поднимает голову от газеты и – как всегда, когда стюардесса проходит мимо, – одаряет ее приветливой улыбкой. А затем она удаляется, чтобы продолжить обход.

Мужчина смотрит ей вслед. Заметив, что я наблюдаю за ним, недовольно хмурится и, прежде чем снова приняться за газету, бросает на меня сердитый взгляд, словно это преступление – злить стюардессу. Кажется, с момента нашего вылета из Чикаго он впервые по-настоящему обратил на меня внимание.

Не то чтобы это было плохо, я вовсе не хочу ему понравиться. Но все равно как-то обидно: даже если бы я считала его привлекательным, у меня не было бы ни малейшего шанса рядом с высокой блондинкой, поскольку я представляю собой полную ее противоположность: низенькая и бледная. В принципе, у меня тоже светлые волосы, но светло-рыжие, с ударением на слове «рыжие». Это единственное, что бросается в глаза в моей внешности, но поскольку именно эта рыжина в ответе за то, что на солнце я становлюсь красной как вареный рак и мне никогда не удастся по-настоящему загореть, то я бы с удовольствием отказалась от нее.

Моя сестра Хоуп всегда пытается видеть во всем положительные стороны и считает, что я похожа на английскую розу. Вот только, наверное, ей просто хочется меня утешить, поскольку сама она принадлежит к числу золотоволосых загорелых красавиц этого мира, которые оказывают гораздо более заметное воздействие на мужчин вроде моего соседа у окна.

Краем глаза наблюдаю за ним. Кстати, выглядит он довольно неплохо. Темные волосы, ухоженный, костюм хорошо сидит. Пиджак он снял сразу же после старта, и, когда он поднимает руки, за запахом лосьона после бритья чувствуется запах пота. Но, к счастью, выносить это мне осталось недолго, поскольку мы уже подлетаем.

Мои руки опять принимаются машинально играть с пряжкой ремня. О мужчине у окна я уже забыла, глядя на голубую ткань спинки стоящего передо мной кресла, и мое сердце от волнения снова начинается биться быстрее.

Я действительно лечу в Англию! До сих пор не верится. Моя первая поездка за границу, ну, кроме недельного отпуска с семьей в Канаде, когда мне было тринадцать, – но он не в счет. И на этот раз я еду не на пару дней, а на целых три месяца.

Глубоко вздыхаю. Вообще-то я уверена, что будет круто, но тот факт, что я одна, далеко от всего привычного, немного пугает. «Все будет хорошо, Грейс», – успокаиваю я себя. Наверняка будет...

– Милочка, вы ведь слышали, что сказала стюардесса. Пристегнитесь.

Заговорив со мной, сидящая через проход пожилая дама отвлекает меня от размышлений. Приветливо поглаживает меня по руке, пока я снова торопливо защелкиваю пряжку ремня. Вопросительно смотрит.

– Так сильно нервничаете?

Закусываю нижнюю губу и киваю. Очень хочется еще раз рассказать всю историю о своем путешествии и о том, что меня ждет дальше. Вот только я и так не давала ей спать последние несколько часов, поэтому я молчу. Хотя дама и заверяла меня, что все равно не смыкает глаз в самолетах, но, возможно, это лишь британская вежливость, а на самом деле она страшно устала и считает меня невероятно издерганной.

Ее зовут Элизабет Армстронг, и она из Лондона. Она была в гостях у одного из своих сыновей, который живет в Чикаго, однако сейчас очень рада тому, что возвращается домой. Знаю я о ней и еще кое-что – в общем-то, все. Сколько у нее внуков – трое и, на ее взгляд, слишком мало, что она не любит летать – а кто любит? – и что она по-прежнему тоскует по своему мужу, умершему восемь лет назад. Внезапно, от инфаркта. Его звали Эдвард.

Самолеты тесные, а трансатлантические перелеты длинные, и не остается ничего другого, кроме как знакомиться с соседями, – если ты, конечно, человек коммуникабельный, а не помешанный на блондинках чудак, как тот потеющий тип у окна. Поэтому Элизабет Армстронг в ответ узнала все обо мне: что меня зовут Грейс Лоусон, мне двадцать два года, я изучаю экономику в Чикагском университете и отправляюсь в Лондон потому, что мне невероятно, грандиозно, совершенно невообразимо повезло получить столь желанное место практиканта в «Хантингтон венчурс», на которое я так надеялась.

Не помню уже, сколько раз за время долгого перелета я пересказывала своей терпеливой слушательнице подробности о своей фирме, которые уже успела выучить наизусть. Что она существует уже восемь лет и за это время смогла развиваться до масштабов одной из самых успешных инвестиционных компаний. О том, что этот успех в первую очередь основан на инновационном и очень впечатляющем плане основателя компании Джонатана Хантингтона, который состоял в том, чтобы предложить патенты и свежие идеи в области техники, промышленности и торговли нужным инвесторам, дабы из этого союза могли возникнуть прибыльные продукты и проекты.

Я с нетерпением ждала встречи с человеком, который за всем этим стоял: Джонатан Максвелл Генри, виконт Хантингтон, принадлежащий к высшему дворянству Великобритании, неугомонный в отношении того, что касается расширения сферы деятельности, и, если верить соответствующим бульварным газетенкам, один из самых желанных холостяков Англии.

Я показала Хоуп его портрет, обнаруженный в газете, и сестра заявила, что он выглядит действительно хорошо, но очень высокомерно. И тут она права. Но, может быть, не стоит удивляться. Если бы я была столь же успешна, то, возможно, выглядела бы так же.

Я еще очень хорошо помню ту фотографию. На ней он был снят с двумя роскошными гламурными женщинами, моделями с великолепными, едва прикрытыми телами: они висели на нем и смотрели на него влюбленными глазами. Но ни одна из них не стала его девушкой, если верить прилагавшейся к фотографии статье, потому что девушки у него нет. И он не женат, что меня несколько удивляет. Потому что со своими темными волосами и яркими голубыми глазами он действительно выглядит невероятно хорошо. Интересно, почему столь привлекательный мужчина до сих пор свободен?

Я снова вздыхаю. «Это не твое дело, Грейс, – напоминаю я себе. – Вероятнее всего, ты с ним даже не встретишься». В конце концов, он возглавляет предприятие и вряд ли найдет время для того, чтобы лично поздороваться с каждой практиканткой, и плевать, какое расстояние она преодолела.

– А вас кто-нибудь будет встречать в аэропорту? – В голосе Элизабет Армстронг слышится искренняя тревога.

Мне требуется мгновение, чтобы вернуться в реальный мир.

– Нет. Я поеду в город на метро или возьму такси.

Последнее, если все же придется на это пойти, оставит ощутимую прореху в моих сбережениях. Кроме того, это всего лишь план «Б», если идея с метро не сработает. Мне остается надеяться на то, что я сумею быстро сориентироваться, сяду на нужную ветку и доберусь до цели. В противном случае остается только такси. Потому что времени очень мало.

Рейс, на котором я остановила свой выбор, был самым удобным для перелета из Чикаго в Лондон, но по расписанию он должен приземлиться в восемь часов, то есть через четверть часа, а в десять часов у меня уже назначена встреча с Энни Френч, сотрудницей компании «Хантингтон венчурс», которая будет ждать меня на проходной, чтобы показать мне все и рассказать, чем я буду заниматься. А фирма расположена в лондонском Сити, в самом центре города. Если предположить, что мне придется подождать, пока выдадут багаж, времени остается чертовски мало, и вся надежда только на то, что лондонские часы пик на самом деле не так страшны, как о них говорят.

В конце концов в Хитроу мы приземлились с опозданием на двадцать минут, а потом прошла еще почти целая вечность, пока самолет остановился. Я беспокоюсь барабаню пальцами по подлокотнику, считаю стремительно летящие минуты. Путь до выдачи багажа тоже неблизкий, и, конечно же, когда мы оказываемся там, наших чемоданов еще нет. Ленточный транспортер пока что неподвижен, а над ним мигает сообщение с номером нашего рейса.

И тут меня обжигает осознание того, что время ожидания можно использовать, чтобы освежиться; я сразу же бросаюсь в ближайшую дамскую комнату, где критически оглядываю себя в зеркале. Это я уже неоднократно проделывала во время перелета, и результат по-прежнему тот же самый: пока что все нормально.

Я быстро проскальзываю в одну из кабинок, снимаю джинсы, в которых была в самолете, и надеваю узкую черную юбку и шелковые чулки, которые все это время лежали в сумочке. То же самое происходит и с зеленой тенниской, которую я заменяю черной блузкой. Единственным цветным пятном становится пестрый шелковый платок, подходящий к моим рыжим волосам. Я торопливо запикиваю старую одежду в сумку, настолько большую, что в нее, наверное, вошла бы половина моего гардероба, из-за чего она является моей постоянной спутницей в путешествиях, и возвращаюсь к зеркалу. Идеально. Моя мама сказала бы, что слишком мрачно: ей всегда хочется, чтобы я надела что-то «повеселее», но мне нравится и так. С рыжими волосами я и без того достаточно яркая. И выделяться на общем фоне еще сильнее мне совершенно не хочется.

Кстати, по поводу рыжей копны: мои волосы уже не лежат на плечах такими красивыми волнами, как в начале перелета, но, слегка подправив прическу, я привожу их в порядок: да здравствует пенка для укладки! Мой макияж, и без того неброский, легко освежить – немного пудры, тушь для ресниц и блеск для губ. Готово.

Зеленые глаза устало смотрят на меня из зеркала, ночь была слишком коротка, и постепенно я начинаю это замечать. Ну да ничего, я молода и охотно готова пожертвовать сном ради двухсот долларов, сэкономленных на билетах.

Рядом со мной в зеркале возникает Элизабет Армстронг, сменив стоявшую рядом со мной женщину. Удивленная, но обрадованная, я оборачиваюсь к ней.

– Ну что, милочка, наведем красоту? В отличие от меня, кстати, вам это делать без надобности. – Она подмигивает мне и опускает руки под струю холодной воды.

Я так и знала – она устала, и в этом виновата я, потому что не дала ей поспать. Несмотря на это, она улыбается, пока мы обе моем руки, и я просто не могу не ответить.

Она немного напоминает мне бабушку Роуз, оставшуюся дома, в Лестере, штат Иллинойс, – маленьком городке, где я выросла. Несмотря на то что бабушка выглядит совершенно иначе – всю свою жизнь она работала, и ее не сравнить с хрупкой Элизабет, – она обладает таким же лукавым чувством юмора.

– Я ведь должна выглядеть хорошо, раз уж сразу еду знакомиться, – объясняю я, хоть в этом и нет необходимости.

Моя попутчица наверняка помнит об этом, ведь на протяжении последних часов я добрых тридцать три раза объясняла ей, насколько важна для меня эта практика, к которой я собираюсь немедленно приступить. Она только кивает.

– Может быть, вас все же кто-нибудь встретит, – говорит она и направляется к сушилке, чтобы автомат сдул с ее рук капельки воды.

Он гудел так громко, что я едва не пропустила звонок своего мобильного. Выйдя из самолета, я снова включила его – только для того, чтобы мне могли оставить какие-нибудь важные сообщения из «Хантингтон венчурс». Но, наверное, я переоценила собственную значимость для фирмы, поскольку единственным абонентом, приславшим мне СМС, оказалась моя сестра. И именно она сейчас и хочет поговорить со мной, это видно на экране. Я поспешно вытираю руки о юбку и принимаю вызов.

– Эй, Грейси! Приземлились, все в порядке?

Мне так приятно слышать знакомый голос Хоуп, что я судорожно сглатываю.

– Да, только что. Жду чемодан. Секундочку.

Я прижимаю мобильник к груди и прощаюсь с Элизабет, которая касается моей руки и желает удачи, прежде чем достать из сумки губную помаду и наклониться к зеркалу, чтобы освежить губы. Она снова подмигивает моему отражению в зеркале, а я поднимаю руку, толкаю дверь и, прижав руку с мобильником к уху, выхожу в зал. Как раз начинают появляться чемоданы, и в ожидании своего я рассказываю Хоуп о перелете. Я обожаю разговаривать с ней, она для меня словно порция нормальности, которая так нужна мне в моем теперешнем нервном состоянии.

– И что теперь? – спрашивает она в тот самый момент, когда я снимаю с ленты черного монстра, позаимствованного у матери: для того, чтобы взять примерно столько же вещей, сколько помещается в него, мне пришлось бы путешествовать с тремя сумками. Когда чемодан оказывается на полу, я поднимаю ручку, благодарю создателя за то, что у чемодана есть колесики, хотя от его веса у меня все равно отрываются руки, и решительно направляюсь к таможене.

– Теперь мне нужно поторопиться, чтобы успеть.

– На тебе черная блузка и черная юбка?

– Да, а что?

Хоуп хихикает.

– Как я и опасалась.

– Это не посмотрится? – Меня охватывает ужас. Неужели она не могла сказать об этом раньше?

– Смотрится, но это так на тебя похоже: ты пытаешься спрятаться. А тебе в этом совершенно нет нужды, Грейси. Ты очень хорошенькая, и англичане это заметят, поверь мне. Кроме того, черный совершенно не годится – совсем не весенний цвет.

Как бы мне хотелось ей верить! Правда. Но Хоуп хорошо говорить, с ее-то идеальными пропорциями. Если бы я была спортивной блондинкой ростом метр семьдесят пять, я вообще, наверное, ничего не носила бы – или, по крайней мере, гораздо меньше, чем сейчас. Но в ней проявились скандинавские корни нашей семьи. А я, похоже, унаследовала от какого-то давнего предка все те крохи ирландских генов, которые еще оставались, потому что ни у кого из моих родственников нет рыжих волос, даже у отца – насколько я помню,

ведь я не видела его уже целую вечность. А еще только у меня невысокий рост и вьющиеся волосы. Я не толстая, но довольно кругленькая там, где у достойных зависти женщин, вроде моей сестры или стюардессы, все спортивно и подтянуто.

– Черный стройнит, поняла? – Я выуживаю из сумки свои документы, которые мне предстоит предъявить. – Я тебе перезвоню.

Внезапно в голосе Хоуп слышится тревога.

– Будь осторожна, ладно, Грейси? И пообещай мне позвонить сегодня же вечером и все рассказать – в подробностях!

Я обещаю и с иронической улыбкой вешаю трубку. Она моя младшая сестра – а ведет себя как мама. Но, возможно, она права. Во многом Хоуп гораздо опытнее меня. Вздохнув, я прячу телефон. Впрочем, в Англии она еще никогда не была. И это первый раз, когда я ее опережаю.

Мужчина за окошком бросает быстрый взгляд в мой паспорт, и таможенники не обыскивают меня: я ведь уже говорила – если не считать волос, я совершенно неприметный человек, никто не обращает на меня внимания, поэтому вскоре я оказываюсь у выхода, ведущего прочь из аэропорта.

За дверями оказывается неожиданно много людей, поэтому я испуганно останавливаюсь и на меня налетает идущий сзади мужчина. Он озадаченно глядит на меня, а потом бежит дальше. Спасибо. Ничего страшного.

Мимо меня течет поток людей, они спешат к машущим руками родственникам или друзьям. Вверх поднимают таблички с именами, люди находят друг друга, обнимаются, встречаются. Мимо меня пробегает и Элизабет, направляясь к молодому человеку, который совершенно искренне обнимает ее, он рад ее видеть. На меня она уже внимания не обращает.

Не хочется чувствовать себя потерянной, поэтому я решительно поправляю сумку и собираюсь с духом. Время поджидает, нужно спешить. Я резко срываюсь с места в поисках указателя метро – чтобы секундой позже снова замереть, когда взгляд мой останавливается на мужчине, выделяющемся из толпы. Его поза небрежна, глаза неотрывно глядят на выход. На меня.

Мое сердце пропускает удар и тут же снова начинает нестись вскачь, когда я вижу улыбку, играющую на его губах. Он едва заметно кивает мне.

Джонатан Хантингтон.

Нет, этого не может быть. Я моргаю, но он по-прежнему там. Это он, наверняка, хотя в действительности он оказывается еще более привлекательным, чем на фотографии в журнале.

Он опускает скрещенные на груди руки, его поза из небрежной превращается в напряженную. В ней проявляется движение, несмотря на то, что он все еще стоит. Он смотрит на меня. Он... ждет меня.

О. Мой. Бог.

Ноги мои уже двинулись вперед сами собой. Словно во сне, я направляюсь к нему.

2

— Здравствуйте, мистер Хантингтон. — Я стою прямо напротив него и протягиваю ему руку. — Я Грейс Лоусон.

Пока я шла к нему, он не спускал с меня взгляда. Эти глаза, синева которых казалась мне притягательной еще на фотографии... Но на самом деле они... другие. Глубокие. Сверкающие. Я смотрю на него, впитываю каждую деталь.

Он высок, гораздо выше, чем я предполагала, и одет во все черное: черные брюки, черная рубашка, черный пиджак. Как я. Только у него, конечно же, нет шарфа. Ха-ха. Волосы у него тоже черные и заливчатски длинные, спадают на лоб и слегка на воротник. В отличие от моей, кожа у него загорелая, что еще сильнее подчеркивает контраст с его голубыми глазами. Кроме того, он, очевидно, сегодня не брился, поскольку на щеках его лежит темная тень.

Все это я осознаю в одну секунду, пока моя рука парит между нами в воздухе, а он не подхватывает ее. Мой взгляд украдкой устремляется к его рту. Улыбка, которая только что витала на его губах, исчезла, и пустое выражение на его лице внезапно вселяет в меня чувство неуверенности. Он смотрит на меня, но совершенно не понимает, чего я от него хочу. Я откашливаюсь, не опуская руки.

— Рада познакомиться с вами, сэр. — Может быть, это не соответствует этикету, принятому у аристократов? Как заговаривать с такими людьми? Проклятье. — Я совершенно не знаю, что сказать. То есть я совершенно не ожидала, что вы придете меня встречать. Но я... очень рада. Практике. Очень-очень. Для меня это... действительно... очень... — Последние слова я выдавливаю из себя с трудом, поскольку что-то здесь явно не так.

— Джонатан? — Прямо у меня за спиной раздается низкий голос со странным акцентом, который я не могу определить, а испуганно обернувшись, я вижу мужчину. Японца.

Он не так высок, как Джонатан Хантингтон, но достаточно, чтобы я почувствовала себя между ними карликом. За его спиной стоят другие люди, тоже японцы, но пониже, очевидно, свита первого. И только теперь я замечаю, что за Джонатаном Хантингтоном стоят светловолосый великан и мужчина пониже с каштановыми волосами, готовые в случае чего прийти на помощь. И все смотрят на меня одинаково недоуменно.

Боже мой! Меня бросает в жар, затем окатывает холодом, когда я понимаю, какую неловкость допустила. Джонатан Хантингтон приехал не затем, чтобы встретить практикантку из Чикаго. Он ждал того японского партнера, что за моей спиной, который по жуткому совпадению прилетел одновременно со мной. Я только что страшно опозорилась. Хуже, чем просто страшно. Ужасно, непростительно страшно.

На протяжении нескольких мучительных секунд все молчат, и я внутренне сжимаюсь. От отчаяния зажмуриваю глаза и в тот же миг чувствую, как теплая рука сжимает мою, которую я все еще держу в воздухе.

Когда я снова открываю глаза, Джонатан Хантингтон смотрит на меня. Это его рука сжимает мою. Крепко. Приятно. Успокаивающе. Он улыбается, и я вижу, что на одном из его резцов не хватает уголка. Это придает его улыбке юношеский задор, который стал для меня неожиданностью, отчего у меня подкашиваются ноги. Или, может быть, дело в том, что мне настолько неловко, что мои ноги просто отказываются служить.

— Мисс Лоусон, как мило. — Он по-прежнему понятия не имеет, кто я. Но он спасает меня. Тепло его руки растекается по моему телу.

«Ты должна извиниться и уйти», — громко и отчетливо заявляет мой внутренний голос, но я словно примерзла к асфальту, как загипнотизированная, смотрю на лицо Джонатана Хантингтона и по-прежнему не могу прийти в себя, ошеломленная его привлекательностью.

Затем он выпускает мою руку, и я снова прихожу в себя. Он указывает на высокого японца, возраст которого я затрудняюсь определить.

– Позвольте представить вам Юуто Нагако, моего делового партнера, только что прибывшего из Токио. – Я оборачиваюсь и киваю мужчине, который по-прежнему странно и пристально смотрит на меня.

Джонатан Хантингтон называет также имена четверых сопровождающих, которые молча кивают головами, но я запоминаю лишь то, что высокого блондина зовут Стивен, остальных сразу же забываю. Мой мозг не в состоянии выдать ни одной связной мысли.

– А вы наша новая... практикантка, мисс Лоусон? – продолжает Джонатан Хантингтон.

Он произносит это как-то потешно, и что-то в тоне его голоса вызывает мое сопротивление. *Наверняка страшно высокомерен.* Так сказала моя сестра, когда мы вдвоем рассматривали его фотографию. Очевидно, она была права.

С другой стороны, тот факт, что он не выставил меня дурочкой из-за моей страшной ошибки, постепенно просачивается в мое сознание, и моя благодарность перекрывает все остальные ощущения. Если таковы английские манеры, то я с удовольствием смирюсь с некоторой высокомерностью.

– Я... да. Из... Чикаго, – лепечу я, как будто это может объяснить мое дурацкое поведение.

Японец начинает проявлять нетерпение, это видно. Ощущения подсказывают мне, что с ним я так дешево не отделалась бы – по крайней мере, на это намекает его по-прежнему пристальный взгляд.

Похоже, мой мозг наконец-то начинает просыпаться. Мне повезло, и, возможно, мне не придется до конца своей жизни стыдиться того, что я до боли наивна. Но если я буду продолжать стоять здесь, то все может измениться.

– Что ж, мне пора двигаться дальше. На метро. У меня ведь скоро встреча. – Я смотрю на Джонатана Хантингтона, и вся ситуация становится настолько абсурдной, что я пожимаю плечами и невольно улыбаюсь. – У вас.

Он удивленно поднимает брови.

– У меня?

– Э, да, то есть нет, я имела в виду, у вас на фирме. Ну, вы понимаете. Практика.

Я снова внутренне сжимаюсь. Боже мой, Грейс, лучше не пытайся шутить. После такого представления он, наверное, порвет сотрудничество с Чикагским университетом, поскольку решит, что с него хватит совершенно невменяемых американских студенток, которых к тому же приходится спасать. Действительно, лучше уйти, пока я все окончательно не испортила.

– Ну, до встречи.

Я сжимаю ручку чемодана и волоку его дальше. Мужчины тут же подходят ближе друг к другу, смыкая ряды, словно только и ждали, когда я наконец уйду, и начинают разговор. Я еще раз оборачиваюсь на миг, но, поймав взгляд японца, разговаривающего с Джонатаном Хантингтоном, тут же отворачиваюсь, от всей души надеясь, что говорят они о каких-то делах, а не обо мне.

На миг закрываю глаза, а тяжесть чемодана, который я качу за собой, отрывает мне руку. Вот и она – моя встреча с Джонатаном Хантингтоном. Отлично справилась, Грейс, просто отлично. Если я еще хоть раз встречу с ним в офисе, буду надеяться только на то, что он не запомнил моего лица, – или лучше сразу и на все три месяца спрятаться за каким-нибудь шкафом.

Чья-то рука хватается меня за плечо, вынуждая остановиться. Я испуганно оборачиваюсь – и снова встречаюсь взглядом с голубыми глазами Джонатана Хантингтона.

– Вы поедете с нами, мисс Лоусон, – заявляет он, снова тем самым пренебрежительным тоном, не терпящим возражений.

Если бы я была в силах дышать, то могла бы что-нибудь ответить на это. За его спиной стоит Стивен, светловолосый великан, и прежде чем я успеваю осознать, что происходит, он хватается мой чемодан и тащит его прочь, назад к японским партнерам. Джонатан Хантингтон по-прежнему крепко держит меня за плечо. И наконец-то мой мозг включается.

– Эй! – Я высвобождаю руку. – Нет! Нет! – кричу я вслед блондину, который даже остановился. Но Джонатан Хантингтон машет ему рукой. А затем я чувствую на своей спине его руку, решительно толкающую меня вперед.

– Мой ассистент просто хотел помочь вам с багажом, – объявляет он и снова смотрит на меня так, будто я не совсем в своем уме. Но, может быть, он и прав.

– Я не могу ехать с вами, – говорю я и останавливаюсь.

Это ведь логично, он должен понять. У него с этим японцем какие-то невероятно важные переговоры, по крайней мере, я исхожу из этого, в противном случае он не прилетел бы из Токио, и я буду только мешать. Кроме того – не нравится мне этот приказной тон. И я не хочу, чтобы у меня отнимали мой багаж.

– Пожалуйста, вы не могли бы сказать этому мужчине – вы не могли бы сказать своему ассистенту, чтобы он вернул мой чемодан? Мне действительно пора на метро, иначе я опоздаю.

Уголки его губ поднимаются, поскольку все это, очевидно, забавляет его, и я снова замечаю, что у него отколот кусочек зуба. Почему у других это недостаток, а у него – невероятно привлекательная деталь? Дыхание мое снова сбивается.

– Опоздаете на встречу со мной? – переспрашивает он, и его слова звучат по-настоящему насмешливо. Я снова могу дышать. Упрямо выпячиваю подбородок.

– Нет. Опоздаю на встречу у вас в офисе. – Его улыбка внезапно приводит меня в ярость. Мое дыхание снова работает как часы. – Я не думаю, что есть смысл продолжать вам мешать. У вас важный разговор, а я буду чувствовать себя неловко, если после случившегося недоразумения буду надоедать вам. – Тут мне приходит в голову, что вообще-то он поступил очень мило, поддерживая меня. – Кстати, спасибо.

– За что спасибо?

О нет! Грейс, черт возьми, подумай хорошенько, прежде чем что-либо говорить.

– Вы же понимаете. Вы могли бы вести себя и не так приветливо.

– И почему же вы отказываетесь, когда я приветливо предлагаю подвезти вас?

– Я... – Может быть, он хочет меня запутать? Если да, то ему это отлично удалось. – Я ведь не хочу опоздать, – почти в отчаянии произношу я.

– Так поедemте со мной. На машине будет быстрее, чем на метро.

Я по-прежнему упираюсь, несмотря на то что не могу по-настоящему противиться его большой теплой ладони, лежащей у меня на спине, и иду дальше.

– Но ваш друг, то есть ваш деловой партнер... Вам ведь есть что обсудить.

– Он ничего не имеет против того, чтобы вы поехали с нами, уж поверьте мне. – То, каким тоном он произносит эту фразу, смущает меня. В его голосе слышится сарказм и какой-то оттенок, от которого у меня по спине бегут мурашки. Но я слишком растеряна, чтобы продолжать размышлять над этим, поскольку к этому моменту мы как раз вернулись к остальным.

– Мисс Лоусон поедет с нами, – объявляет Джонатан Хантингтон, как будто это и без того не очевидно, раз он притащил меня, а его ассистент – мой чемодан. Голос у него довольный. И неудивительно. Наверное, он всегда получает то, что хочет.

Японцы кивают в своей азиатской манере, но несколько отрывисто, в то время как Стивен и темноволосый с любопытством, но без лишней настойчивости разглядывают меня,

примерно так, как смотрят на автомобильную аварию, проезжая мимо. Но ведь я и есть непредвиденная авария.

В молчании мы трогаемся с места.

Джонатан и высокий японец идут за мной, и мне кажется, что я спиной чувствую их взгляды. Они негромко разговаривают – по-японски. Может быть, поэтому они берут меня с собой – я ведь все равно ничего не пойму.

На миг я теряюсь. Неужели я совсем спятила, осмелившись попытаться не принять это предложение? Я хочу сказать, что ведь на ближайшие три месяца Джонатан Хантингтон станет моим боссом, а мне не пришло в голову ничего лучшего, кроме как сначала навязаться ему, а затем начать жеманничать, как будто мне что-то от него нужно. «Успокойся, Грейс, – напоминаю я себе. – Ты только что доказала, что ты – скорее везучая, чем умная девушка. Вот и пользуйся этим».

В автомобиле – довольно длинном лимузине с двумя расположенными друг напротив друга кожаными сиденьями в задней части – мои сомнения возвращаются, и я снова решаю, что совершила огромную ошибку, когда не пошла на метро.

Я сижу лицом по ходу движения, на одном сиденье с Джонатаном Хантингтоном и темноволосым мужчиной, в то время как главный японец делит противоположное с одним из своих ассистентов. Второй занял место рядом с высоченным Стивеном, который ведет автомобиль. Японский ассистент, сидящий сзади, держит на коленях свой портфель, а темноволосый разговаривает по телефону и рассылает сообщения со своего мобильного, вполуха прислушиваясь к беседе босса. Джонатан Хантингтон и Юуто Нагако – так его зовут, я вспомнила, – оба сидят, небрежно откинувшись на спинки сидений и разговаривают, все еще по-японски. Я понятия не имею, сколько лет может быть японцу, потому что лицо у него по-азиатски гладкое, но поскольку виски его уже поседели, я решаю, что он по меньшей мере лет на десять старше Джонатана.

Поддерживая беседу, Юуто Нагако по-прежнему глядит на меня своим тревожащим взглядом, от которого мне становится не по себе, и иногда мне даже кажется, что речь идет обо мне. Но это столь же абсурдно, как и вся ситуация.

Не помню, когда я в последний раз чувствовала себя настолько некомфортно. настолько не на своем месте. Я никогда не сидела в столь дорогом автомобиле, и одного этого было бы довольно – не считая совершенно непривычного для меня левостороннего движения, – чтобы сбить меня с толку. Но я настолько поглощена ощущением собственной незначительности среди этих высоких незнакомых мужчин, что мне даже некогда толком восхититься тем, что меня окружает. Мне знаком только Джонатан Хантингтон, но и то лишь потому, что мы с сестрой провели много времени, рассматривая его фотографию, так что расслабленной я себя не чувствую. Все это уже просто чересчур.

Но хуже всего то, что я сижу рядом с ним, что я могу чувствовать его запах. И, в отличие от мужчины из самолета, он меня не отталкивает. Нет, от него пахнет хорошо, каким-то очень приятным лосьоном после бритья. Я ловлю себя на том, что стараюсь дышать глубоко, чтобы вдохнуть побольше этого аромата. Может быть, это вовсе и не лосьон после бритья. Может быть, он сам так пахнет. Что бы это ни было, оно ударяет мне в голову. Что уж совсем нехорошо, ведь из-за этого я еще сильнее заикливаюсь на нем и еще хуже справляюсь с собственной нервозностью.

Я неловко вцепляюсь в сиденье, молясь о том, чтобы мы как можно скорее оказались на месте. Потому что каждый раз, когда большой автомобиль делает поворот, меня прижимает к Джонатану Хантингтону. По крайней мере так было бы, если бы я всеми силами не противилась этому. Сиденья очень мягкие, и для двоих людей места должно быть очень много. Но мы устроились на этом сиденье вдвоем, и из-за широкого углубления в нем и законов при-

тяжения я то и дело оказываюсь в опасной близости к Джонатану. Ничего не могу поделать. Я сижу, сжавшись в комок, и таращусь в окно, надеясь, что никто меня не заметит.

Пока Джонатан Хантингтон вдруг не кладет руку на спинку сиденья за моей спиной. Его широкое плечо освобождает пространство для меня. Но оно в то же время было и стопором, где максимально соприкасались наши тела, когда мне не удавалось удержаться на месте. А теперь там нет ничего, и на следующем повороте вправо, который автомобиль делает через секунду, я скатываюсь к нему. По-настоящему. Полный физический контакт. Мы оказываемся вплотную друг к другу внезапно, и поскольку, падая, я инстинктивно пытаюсь за что-нибудь уцепиться, моя рука еще и оказывается у него на груди, и я чувствую, что он приобнял меня и сжимает мое плечо. Возможно, просто машинально, чтобы поддержать меня.

На секунду мир застывает. Я чувствую тепло его тела и то, как он замирает под моей рукой. Его взгляд скользит от моего лица к вырезу блузки и обратно. Я опускаю глаза и вижу, что блузка сильно съехала и открывает приличную часть моей груди. Когда я снова поднимаю на него взгляд, он не улыбается и глаза его темнеют. Я забываю, что нужно дышать, и просто смотрю на него. Внезапно везде, где мы соприкасаемся, моя кожа покрывается мурашками, и я чувствую, как краска приливает к моим щекам.

Я поспешно отталкиваюсь – от его груди, но иначе не получается, – и возвращаюсь обратно в угол. Его рука отпускает меня.

– Простите, – бормочу я, не в силах скрыть смущение. Теперь мне точно нужно срочно выбираться отсюда.

Он снимает руку со спинки, и мы снова сидим, как раньше. К счастью, японский ассистент заговаривает с темноволосым, речь идет о каких-то встречах. Только Юто Нагако не принимает участия в разговоре, пристально смотрит на меня, как и прежде. Он что-то говорит по-японски, обращаясь к Джонатану, который тут же поворачивается ко мне.

– Как долго вы у нас пробудете, мисс Лоусон?

Тот факт, что он внезапно обращается ко мне, заставляет меня нервничать еще сильнее, чем до того. Впрочем, спрашивает он не для того, чтобы поддержать разговор, а как-то деловито и отстраненно. Как будто это важная информация, которая ему зачем-то понадобилась.

– Три месяца, – отвечаю я, облизывая губы. Во рту страшно пересохло.

– И откуда вы приехали?

– Из Чикаго.

– Точно. Вы говорили об этом.

Склонив голову набок, он смотрит на меня взглядом, от которого мне некуда деться. Мы сидим все еще слишком близко друг к другу, хоть теперь наши плечи снова соприкасаются. Я чувствую твердость его плеча под пиджаком и немного отодвигаюсь. Но его тепло я ощущаю по-прежнему, и мне кажется, что оно передается мне.

– Значит, вы учитесь у профессора Уайта?

Я киваю. Постепенно оправляюсь от шока. Похоже, он все же решил немного поддержать беседу. Безобидный разговор – это как раз то, что мне нужно.

– Вы его знаете?

– Не лично, нет. Но мой компаньон, Александр Нортон, с ним дружит. Насколько я знаю, он способствовал налаживанию связей.

Об этом профессор Уайт никогда не говорил, но это объясняет, почему английская фирма предлагает оплачиваемую практику американским студентам-экономистам. Вознаграждение не настолько хорошее, чтобы разбогатеть, но с его помощью я, как бы там ни было, смогу позволить себе снимать квартиру в Лондоне на время своего пребывания.

– Что вас привлекает в экономике, мисс Лоусон?

Другие мужчины закончили разговор, и, когда Джонатан Хантингтон спрашивает меня об этом, в салоне автомобиля стоит тишина. Все смотрят на меня, и внезапно у меня снова

возникает желание раствориться в воздухе. Но потом мой мозг отмечает тон голоса, с которым был задан вопрос. Мне снова кажется, что его это забавляет. Как будто эта тема не подходит для людей вроде меня, как будто экономика и я – две совершенно несовместимые вещи. Ладно, может быть, сейчас я вела себя как не особенно умная представительница своего пола, но это не повод смотреть на меня свысока. Я хороша. Иначе не получила бы это место. На него был конкурс – и выбрали меня.

– Мне нравится возиться с числами, – подчеркнуто небрежно заявляю я, улыбаясь легко и по возможности независимо, как будто истинная причина слишком сложна для того, чтобы говорить о ней сейчас.

«То, что можешь ты, могу и я», – проносится у меня в голове, и я полностью удовлетворена произведенным эффектом. Пока он не задает следующий вопрос:

– А что вас привлекает в «Хантингтон венчурс»?

Я судорожно сглатываю. Перед отборочной комиссией в университете я легко и убедительно перечислила около десятка пунктов, однако сейчас я могу только смотреть в голубые глаза основателя фирмы, не в состоянии выдать из себя ни слова.

К счастью, отвечать уже нет необходимости, поскольку мы приехали. Автомобиль останавливается у входа в современное стеклянное офисное здание. В нем по меньшей мере десять этажей и слегка выгнутый наружу фронтон. Одна сторона ровная, в то время как вторая слегка прогибается внутрь, создавая очень интересную, почти коническую форму.

Я сижу со стороны дороги, где быстро проносятся автомобили, поэтому приходится дожидаться, пока мужчины выйдут с другой стороны, прежде чем последовать за ними. Когда я выбираюсь из автомобиля, Джонатан Хантингтон протягивает мне руку, чтобы помочь, и, несмотря на минутное колебание, я принимаю помощь. Было бы глупо игнорировать этот жест, а сегодня я уже и так достаточно опозорилась. Однако моему сердечному ритму прикосновения к нему явно не идут на пользу. Едва встав на тротуар, я выпускаю его руку.

Светловолосый великан вынимает из багажника моего черного монстра, но вместо того чтобы отдать чемодан мне, катит его к стеклянной двери здания.

– После вас. – Джонатан Хантингтон жестом приглашает меня идти вперед, японцы тоже пропускают меня в фойе.

Оно очень большое и элегантное, со стойкой администратора из изысканно обработанного дерева и стекла, перед которой поставил мой чемодан светловолосый шофер. За стойкой стоят две молодые девушки, одна поближе, вторая подальше, и обе смотрят на нас с интересом.

Джонатан Хантингтон здоровается с ними, перекидывается парой слов. Я украдкой бросаю взгляд на часы. Половина одиннадцатого. Проклятье.

Стоявшая у стойки молодая девушка направляется ко мне. Она примерно моего возраста, у нее короткие каштановые волосы, зачесанные нарочито небрежно, но очень стильно. Под светло-зеленый вельветовый костюм она надела очень подходящий топ из батика и простую, но броскую серебряную цепочку. Необычный костюм для бизнес-сферы, но ничего лишнего – и ей очень идет.

– Привет, – произносит она. – Я Энни Френч. Я ждала тебя, Грейс.

Обращение на «ты» удивляет меня, но как раз после такой кошмарной поездки услышать его очень приятно. Наконец-то я оказалась рядом с человеком, который не предъявляет ко мне чрезмерных требований.

– Я опоздала, – грустно говорю я, пожимая протянутую руку.

– Вовсе нет, раз уж приехала с боссом, – отвечает моя собеседница и улыбается. Она мне нравится.

И, прежде чем мы успели продолжить беседу, рядом со мной внезапно снова оказался Джонатан Хантингтон. Остальные мужчины ждут возле лифта и смотрят на нас.

– Желаю успеха на практике, мисс Лоусон, – произносит он. – Надеюсь, вам у нас понравится.

Я проглатываю слюну.

– Спасибо.

– Кстати, черный вам идет. Красивый цвет. – Он быстро оглядывает себя. Его голубые глаза сверкают, когда он снова поднимает взгляд, и на губах его играет легкая улыбка, от которой у меня подкашиваются ноги.

Но прежде чем я успеваю что-либо ответить, он разворачивается и идет к лифту. Я неуверенно смотрю ему вслед и спрашиваю себя, действительно ли мне стоит хотеть встретиться с ним снова.

3

Когда двери лифта закрываются за всеми шестью мужчинами, Энни Френч оборачивается ко мне.

– Как это у тебя получилось? – спрашивает она, поднимая бровь.

– Что именно? – Все мои мысли по-прежнему заняты сбивающим меня с толку Джонатаном Хантингтоном, и я почти не слушаю ее.

Энни толкает меня локтем в бок, возвращая назад, к ней, в реальный мир.

– Ну послушай, ты ведь только что приехала с боссом. Давай, рассказывай, как у тебя это получилось.

– Это получилось... случайно. Мы встретились в аэропорту, а потом он предложил мне поехать с ним и его сопровождающими. – Это действительно звучит совершенно невероятно. Но Энни не дает себя обмануть. Склоняет голову к плечу.

– А откуда он узнал, кто ты? Вы знакомы?

Подловила. Я чувствую, как краснеют мои щеки, и отвожу ее в сторону, поскольку мне не хочется, чтобы блондинка-администратор, с интересом разглядывающая нас, услышала то, что я скажу.

– Нет. Я... я заговорила с ним, – негромко признаюсь я. – Я допустила ошибку. Я думала... что он встречает меня.

Энни ошеломленно посмотрела на меня, а потом рассмеялась, как будто это была самая лучшая шутка, которую ей доводилось слышать в жизни.

– Ты думала, что босс лично приехал встретить тебя?

– Да, я знаю, – простонала я, закатывая глаза. – Не сыпь мне соль на рану. Все это и без того достаточно неприятно. Давай сменим тему, пожалуйста.

– С удовольствием. – Энни по-прежнему улыбается во весь рот. – По крайней мере, пока что. – Девушка указывает взглядом на мой чемодан. – Можешь оставить его у Кэролайн, а потом забрать. А теперь я покажу тебе твоё новое место работы. – Её улыбка так заразительна и приветлива, и вся её обезоруживающая открытость так располагает к себе, что она просто не может не понравиться.

Мы оставляем чемодан в приемной у блондинки Кэролайн, которая прячет монстра за стойку и заверяет меня, что присмотрит за ним как следует, продолжая с интересом разглядывать меня. Затем мы тоже садимся в один из двух лифтов, расположенных рядом. Внутри он зеркальный и, как и все здесь, кажется роскошным и грандиозным. Взгляд на собственное отражение сообщает мне, что я выгляжу неестественно бледно, что, вероятно, является последствием шока, вызванного встречей с самым желанным холостяком Англии.

По пути вверх Энни объясняет мне, что ей двадцать три и что она вот уже год работает младшим ассистентом отдела инвестиций компании «Хантингтон венчурс».

– Это моя первая работа в данной отрасли, – говорит она. – И мне могло повезти гораздо меньше.

Я немного завидую тому, что она, хотя возраст у нас почти одинаковый, продвинулась гораздо дальше, чем я. В принципе, я тоже скоро закончу учебу, но смогу ли я потом найти работу в столь же классной фирме?

Однако завидую я Энни не только из-за места в «Хантингтон венчурс», но и из-за её самоуверенной приветливости, непринужденности, с которой она подходит ко всему.

– Вот здесь находится отдел, где ты будешь работать, – поясняет она, когда мы выходим на четвертом этаже и идем по длинному холлу. Все кажется светлым и просторным. Стеклопакетные двери ведут в большие офисы с окнами до пола, где сидят выглядящие занятыми люди. – Здесь готовят новые проекты, которыми будет заниматься «Хантинг-

тон венчурс». Мы проводим исследования, проверяем шансы на рынке, ведем все необходимые предварительные переговоры, а руководство доделывает остальное.

Она входит со мной в каждый кабинет и представляет мне сотрудников – однако их слишком много, чтобы запомнить всех сразу. В памяти остаются лишь несколько имен: секретаршу, пожилую и очень милую женщину, зовут Вероника Хетчфилд, руководителя отдела, мужчину лет сорока с редющими волосами, она представляет мне как Клайва Реншоу, а Шадрах Алани, молодой коллега с явно выраженными пакистанскими корнями, которому, на мой взгляд, около тридцати лет, сидит в одном кабинете с Энни. Есть еще много других, всего около дюжины, с которыми в ближайшее время я наверняка познакомлюсь поближе. Все приветливы, но Энни тем не менее нравится мне больше всех.

– Остальные отделы в этом здании я покажу тебе при случае, если тебе будет интересно. – Пока мы идем по коридору, Энни вкладывает мне в руку папку. – Здесь ты найдешь всю самую необходимую информацию по нашей фирме. – Она протягивает мне ксерокопию со сложным рисунком. – А это органиграмма, чтобы ты получила общее представление.

Я удивляюсь, а взгляд мой тем временем скользит по разветвленной схеме, частям пазла, из которых состоит фирма. Многое мне было известно благодаря собственным исследованиям, но кое-что для меня совершенно ново. И, пролистывая папку, в которой на глянцевой бумаге хорошего качества представлены и другие виды деятельности, я понимаю, что «Хантингтон венчурс» представляет собой нечто большее, чем чисто инвестиционное предприятие. Это империя с международными связями и широкой разветвленной сетью влияния. Они имеют налаженные связи не только с денежными тузами, но почти со всеми отраслями промышленности и торговли, существуют также программы для поддержки культурных проектов. Мое глубокое уважение по отношению к достижениям Джонатана Хантингтона возрастает еще сильнее.

Когда я снова поднимаю взгляд, Энни усмехается:

– Впечатляет, правда?

Я знаю, что она имеет в виду фирму, но я могу думать лишь о человеке, который ее возглавляет, и молча киваю.

Энни идет дальше, открывая дверь в офис в самом конце коридора. У него тоже стеклянная внешняя стена, но он очень маленький. У окна стоит письменный стол, одна стена полностью заставлена шкафами с документацией, поэтому здесь очень тесно.

– Место практиканта, – объявляет Энни, снова улыбаясь мне своей открытой обезоруживающей улыбкой.

Я вздыхаю. А чего я ожидала – красной ковровой дорожки? И вообще, кабинет вовсе не плох, хоть и расположен в дальнем конце коридора, но не слишком далеко от того, где сидит Энни, что меня немного успокаивает. Как бы там ни было, она – пока что – единственная, кого я здесь знаю. Не считая Джонатана Хантингтона, но о нем лучше больше не думать.

– А что именно я буду здесь делать? – спрашиваю я, заходя за письменный стол, чтобы поближе рассмотреть свое будущее рабочее место.

– То, что делают все практиканты – готовить чай и кофе. – Энни указывает на дверь в противоположной стороне кабинета. – Кстати, там кухня – так что ходить недалеко.

На миг я лишаюсь дара речи.

– Ты ведь шутишь, правда? – Я сказала, что она мне нравится? Я ошиблась, все англичане кажутся мне странными.

На миг она с непроницаемым лицом прислоняется к дверному косяку, но потом серьезность оставляет ее, и она смеется.

– Нет, конечно же нет. Там действительно находится кухня, и ты можешь готовить себе чай и кофе, если хочешь, – у нас здесь есть все. В целом, конечно, тебя ждут более ответственные задачи.

Я облегченно вздыхаю и тоже невольно улыбаюсь.

– А с кем именно я буду работать? – интересуюсь я.

Энни усмехается.

– А с кем тебе хотелось бы работать?

По необъяснимой причине в животе все сжимается, потому что единственный, кто приходит мне в голову, это Джонатан Хантингтон. Щеки заливаются краской, и Энни, похоже, догадывается о ходе моих мыслей. Ее улыбка становится еще шире.

– Прости, но боюсь, на этаж начальства тебе так быстро не попасть. Может быть, наш босс и привез тебя сюда, но обычно он не возится с практикантами лично. Так что тебе придется удовольствоваться мной.

– Конечно, мне так даже лучше, – поспешно заверяю я девушку.

– Ты действительно взяла и просто заговорила с ним? – Очевидно, произошедшее все еще не укладывается у Энни в голове.

Я киваю и снова внутренне сжимаюсь, когда она напоминает мне о неловкой ситуации в аэропорту.

– Но взять меня с собой – это была его идея. Я хотела поехать на метро, когда поняла, какую глупую ошибку совершила.

Энни хмурит лоб.

– Он сам предложил подвезти тебя?

– Да, а что? Что в этом такого необычного? Я имею в виду... Возможно, он просто хотел быть вежливым.

Энни фыркает, как будто подобная мысль совершенно абсурдна.

– Джонатан Хантингтон – милый парень, живущий по соседству?

Мне кажется необходимым защитить его. Он ведь мог и проигнорировать меня, оставить в аэропорту без внимания.

– Он показался мне милым, – настаиваю я.

Вот теперь лицо Энни впервые с момента нашего знакомства становится по-настоящему серьезным.

– Дам тебе хороший совет, Грейс. Лучше даже не начинай ничего интерпретировать.

Я в растерянности.

– Что ты имеешь в виду?

Она смотрит на меня с выражением легкого отчаяния на лице.

– Послушай, мы все здесь не слепые. Босс выглядит чертовски классно, и ты не первая, у кого начинают сиять глаза при виде него. Большинство боготворят его издалека, но это бессмысленно, поверь мне. А те, кто работал рядом с ним и кому стало совсем дурно, в какой-то момент ушли. Только в прошлом месяце – женщина из отдела печати, работавшая с ним в связи с одним проектом. Они все добровольно уходят из фирмы, всегда по обыденной причине, ради другой работы или новых проектов, но если хочешь знать мое мнение, то каждая из них ушла потому, что не смогла стать женщиной, достойной быть рядом с Джонатаном Хантингтоном. – Она пристально смотрит на меня. – Запомни это и держись от него подальше. Ты просто зря потратишь время.

Как будто я и так этого не знаю. Но мне любопытно.

– А почему он никогда не встречается с девушками? Он...

– Гомосексуал? – Энни заканчивает фразу за меня. – Нет, это наверняка не так. Но он и не принц, даже если унаследует дворянский титул. Поэтому послушай меня и не назначай его на главную роль в своих личных сказках. Он не для тебя.

Я вздыхаю. В принципе, мне стоило бы обидеться из-за того, что Энни управляет мне мозги, – мы ведь друг друга едва знаем. Кроме того, мне немного неприятно из-за того, что по мне так отчетливо видно, какое впечатление произвела на меня встреча с Джонатаном

Хантингтоном. Но она не со зла, я чувствую это, она действительно хочет предупредить меня и оградить от разочарований. И, возможно, ее искренние строгие слова – именно то, что мне сейчас нужно, поскольку не исключено, что я могу стать очередной жертвой великолепного Джонатана Хантингтона.

– Не беспокойся, я не настолько наивна, – объявляю я, и мне даже удастся выдавить из себя кривую улыбочку. Хоть это и неправда, я чертовски наивна, когда речь заходит о мужчинах, но это не то, о чем мне хотелось бы сейчас поговорить со своей новой коллегой. – Кроме того, вероятно, я больше никогда не увижу мистера Хантингтона. Или он заходит сюда?

Какая-то часть меня надеется на это, несмотря на то что я понимаю, насколько это глупо – особенно после предупреждения, которое я только что получила.

Энни качает головой.

– Нет, вообще-то очень редко. Но обычно он и не подвозит практиканток на своей машине. Просто будь начеку, больше я тебе ничего не скажу.

Тон ее голоса невероятно серьезен, и я теряюсь. Неужели она опасается, что Джонатан Хантингтон может мной заинтересоваться? Полный абсурд. А даже если так – то почему я тогда должна быть начеку?

Только я собралась открыть рот и переспросить, что она имела в виду, как Энни решительным жестом указала мне на бумаги, лежащие на письменном столе. Очевидно, для нее тема исчерпана.

– Твое первое задание я уже положила сюда. Это отчеты по проектам, по которым в ближайшее время ожидается принятие решения. Прочти их и составь общее представление, тогда сможешь принимать участие в дальнейших обсуждениях. И не думай, что это пустая формальность, потому что мы спросим тебя, какой из них кажется тебе обещающим наибольшим успех и почему.

– Это проверка? – спрашиваю я.

Она снова улыбается во весь рот.

– Да, в некотором роде это так. Тебе это мешает?

– Нет.

– Хорошо, это, кстати, в твоих собственных интересах. Когда мы поймем, насколько ты хороша, сможем подобрать тебе занятие получше. – Она смотрит на часы. – Справишься пока сама?

Я киваю.

– Тогда я тебя покидаю. Если возникнут вопросы, можешь в любое время обращаться ко мне. Ты ведь знаешь, где меня найти.

Она уже почти ушла, но я задерживаю ее.

– Можно мне воспользоваться телефоном? – спрашиваю я и указываю на стоящий на моем столе аппарат. – Я сняла квартиру здесь неподалеку и должна позвонить арендодателю, чтобы узнать, когда и где я могу забрать ключи.

– Конечно, – отвечает Энни. – Мы ведь хотим, чтобы ты как следует устроилась. – Уже почти закрыв за собой двери, она снова заглядывает в комнату. – Кстати, здорово, что ты здесь, – говорит она, и ее голос звучит так искренне, что у меня теплеет на сердце.

С новыми силами я берусь за отчеты, которые предстоит изучить. Я чувствую, что здесь будет здорово. Что может пойти не так?

4

Спустя некоторое время я оторвалась от бумаг и заметок, которые делала для себя, и с удивлением обнаружила, что уже почти три часа. Я так углубилась в отчеты, что совершенно забыла о времени.

Устало протираю глаза. Вот теперь я по-настоящему чувствую, что не выспалась, поэтому отправляюсь в кухню, чтобы сделать себе напиток покрепче. Энни не преувеличивала, это действительно современное помещение, обставленное со всей возможной роскошью. Здесь есть автомат для приготовления чая и одна из этих дорогущих кофе-машин, в которой можно свободно выбирать сорт кофе. Задумываюсь на миг, а затем принимаю решение в пользу чая. В конце концов, я ведь в Англии, лучше начинать привыкать.

Держа в руке стаканчик, я иду к окну и гляжу наружу, на лондонский Сити. Здание, в котором расположена компания «Хантингтон венчурс», из новых, но прямо напротив стоит одно из исторических сооружений, которыми так славится центр города. Не могу сказать, что это – биржа или, быть может, Банк Англии, но я это еще выясню. В конце концов, у меня будет достаточно времени, чтобы все спокойно рассмотреть. Сейчас начало мая, и лишь в конце июля я снова полечу в Чикаго – так что у меня есть двенадцать недель на то, чтобы изучить этот волнующий город.

С улыбкой я поднимаю взгляд к небу, которое уже не так затянуто тучами, как утром, когда я прилетела; оно сверкает синевой. Здесь, в офисе, работает кондиционер, но после-полуденное солнце, отражающееся в окнах здания напротив, позволяет предположить, что на улице стоит приятная теплая погода.

Я уже собираюсь вернуться в свой кабинет, когда взгляд мой падает на улицу, где в этот момент как раз останавливается длинный черный автомобиль. Я узнаю лимузин, на котором сегодня уже ездила, и мое сердце слегка вздрагивает, когда мгновением позже я вижу, как на тротуар прямо подо мной выходят двое мужчин. Я тут же узнаю Джонатана Хантингтона, даже с такого расстояния, а второй, должно быть, тот японец, Юуто Нагако. Садясь в машину, они продолжают разговор, а мгновением позже лимузин снова трогается с места, ныряет в поток машин, заворачивает за угол и исчезает из моего поля зрения.

«Уехал», – с некоторой тоской думаю я. Джонатан Хантингтон, мужчина, от которого мне лучше держаться подальше. Я негромко фыркаю и качаю головой. Как будто он пожелал бы, чтобы я протянула к нему руки! Мечтай-мечтай, Грейс. А лучше – не мечтай. Очнись.

Я быстро выхожу из кухни и пересекаю пустой коридор. Чуть дальше я вижу две открытые стеклянные двери, но здесь стоит тишина – повсюду кипит работа. Несмотря на то что я справилась с тем, что мне поручали, мешать я никому не хочу, поэтому возвращаюсь обратно в свой кабинет, сажусь за письменный стол и решительно отыскиваю номер хозяина квартиры, которому мне нужно позвонить.

Жилье, маленькая однокомнатная благоустроенная квартирка, находится в Уайтчепел, квартале, расположенном совсем неподалеку от лондонского Сити, практически в центре, недалеко от метро. По крайней мере так было написано в объявлении. Я была страшно рада, когда нашла его в Интернете, и тут же согласилась, потому что цена тоже была подходящей. Я понятия не имела о том, что это за район и насколько далеко он на самом деле находится от моего фактического места работы, но на карте все казалось расположенным относительно близко, фотографии тоже были ничего, комната выглядела чистой и довольно-таки ухоженной. Я должна была заплатить триста фунтов залога в пересчете на доллары, положить заранее на счет владельца, но он заверил меня, что я получу их обратно, когда буду съезжать, если в квартире все будет в целости и сохранности. Мы вели оживленную переписку, и он показался мне довольно милым.

Номер, по которому с ним можно связаться, я записала в свой маленький блокнотик, и действительно – уже после второго гудка трубку сняли. Какая-то женщина.

– Я могу поговорить с мистером Скарлеттом? – вежливо прошу я. На миг в трубке воцаряется тишина.

– Здесь нет никакого мистера Скарлетта. Вы ошиблись номером, – сообщает мне женщина.

– Но... – Этого ведь не может быть. – Послушайте, меня зовут Грейс Лоусон. Я сняла маленькую квартирку на Адлер-стрит, и мистер Скарлетт дал мне этот номер, чтобы я могла с ним связаться, когда приеду. Я сегодня прилетела из Америки, и мне действительно нужно с ним поговорить.

– Солнышко, говорю же вам, нет здесь никакого мистера Скарлетта. Как бы я ни хотела вам помочь – вы ошиблись номером.

Этого точно не может быть.

– Но вы живете на Адлер-стрит в Уайтчепел? – Я пробую зайти с другой стороны.

– Я живу в Спиталфилдс, – уже довольно раздраженно произносит женщина. – А улицы Адлер-стрит не знаю.

Спиталфилдс расположен совсем рядом с Уайтчепел, я видела на карте. Может быть, я перепутала кварталы. Или название улицы.

– А в вашем доме есть небольшие квартиры? – Я цепляюсь за соломинку. Жду, затаив дыхание.

– Да, небольшие квартиры есть, – отвечает собеседница. – Но они все заняты, свободных нет, насколько я знаю.

У меня вышибает дух. Это была моя последняя надежда. Я молчу, слыша, как на том конце провода нервно вздыхает женщина.

– Послушайте, я ничем не могу вам помочь, ладно?

– Но мистер Скарлетт сказал...

– Мне очень жаль, солнышко. Хорошего дня. – Раздается щелчок. Женщина вешает трубку.

Словно зачарованная, я сижу с трубкой в руке. В животе поднимается тошнота, а затем мне становится холодно, когда я осознаю, что все это значит.

Человек, которого я считала хозяином квартиры, очевидно, обычный мошенник, которому нужны были только триста фунтов залога. Квартиры вообще не существует – но откуда мне было знать? В Интернете она казалась вполне настоящей, подъемной по деньгам и расположенной близко к центру.

Я хлопаю себя по лбу. Наверное, в этом и состоял трюк! Именно этим меня объявление и заинтересовало, а из Америки у меня не было ни малейшего шанса проверить это. Я удовлетворилась письменным подтверждением по электронной почте, которое стоит, пожалуй, только бумаги, на которой я его распечатала. Проклятье!

Но это не самая большая проблема. Потому что, если квартиры не существует, я не могу в нее въехать вместе с моим монстром-чемоданом. У меня нет крыши над головой, и я понятия не имею, как быстро раздобыть похожее жилье, которое смогу оплатить. Конечно, мне подойдет отель или пансион, но в долгосрочной перспективе это не выход.

На глаза накатывают слезы. Дело не только в потерянных деньгах и новых поисках, которыми мне теперь придется заниматься, – я чувствую, что меня бросили на произвол судьбы. Лондон. Моя мечта о том, как здесь будет здорово. Не так я все себе представляла.

Вытираю глаза тыльной стороной ладони и быстро направляюсь в кабинет Энни. К счастью, она одна, письменный стол ее коллеги пуст.

– Что стряслось? – взволнованно спрашивает она меня, когда я тяжело плюхаюсь на свободный стул.

Дрожащим голосом я сообщаю о том, что со мной произошло, и в конце рассказа с трудом сдерживаю рвущиеся наружу слезы ярости и отчаяния.

– Это все так несправедливо, – жалуюсь я.

– А как, ты говоришь, зовут того парня, который выдавал себя за хозяина квартиры?

– Уилл Скарлетт, – отвечаю я.

– Но ты ведь знаешь, что это знаменитый персонаж из саги о Робин Гуде, правда?

Я смотрю на нее непонимающим взглядом.

– Нет, – признаюсь я и кажусь себе ужасно глупой. Похоже, нужно привыкать к этому чувству, потому что, судя по всему, мне от него не избавиться. И, чтобы хоть как-то оправдаться, я добавляю: – Я... не очень разбираюсь в литературе.

От этого мне вдруг снова становится неловко. Но ведь я уже говорила об этом Джонатану Хантингтону: я люблю возиться с числами – не с буквами. Если меня что-то и привлекает в искусстве, то это не печатное слово, а произведения искусства. Картины, скульптуры, что-то осязаемое, что-то конкретное.

И даже если бы я оказалась более начитанной, подобное совпадение вряд ли насторожило бы меня. Я просто решила бы, что это случайность. Бывают же у людей забавные имена.

Вздыхнув, я покачала головой. Похоже, других не так легко одурачить, как меня. Что, возможно, в очередной раз доказывает мою невероятную наивность. Наивность и глупость. А еще бездомность.

– Вот дерьмо! – Слово вырывается у меня прежде, чем я успеваю задуматься над тем, насколько оно будет здесь не к месту. Но иного выражения для создавшейся ситуации просто не существует.

Я упрямо гляжу на Энни. Шокировала ли я ее? Уголки ее губ подрагивают.

– Да, – говорит она, – дерьмовее не бывает.

И почти одновременно мы расхохотались.

– Может быть, этот мнимый хозяин квартиры – действительно современный мститель за бедняков. Тогда можешь по крайней мере утешаться мыслью о том, что твой залог послужит доброму делу.

– Ха-ха. – Я улыбаюсь, но тут же снова становлюсь серьезной. – Как думаешь, имеет смысл идти в полицию?

Энни кивает.

– Это мы сделаем в любом случае, не помешает, – произносит девушка, и я уже люблю ее за это «мы». Значит ли это, что она меня не бросит? – Но ведь это не разрешит твоей жилищной проблемы. – Она смотрит на меня, нахмутив лоб.

– Я могу пока что пожить в пансионе, – говорю я и сама замечаю, как жалобно звучит мой голос. На меня в полной мере накатывает усталость, и перспектива долго искать подходящую комнату удручает меня сильнее, чем я могу выразить. На глаза снова наворачиваются слезы, и я ничего не могу с этим поделать.

– Нет. – Энни выглядит решительно. – У меня есть идея получше. – Широко улыбаясь, она опирается локтями о стол, наклоняясь ко мне. – Первое время поживешь у меня.

– Ты серьезно? – Предложение такое заманчивое, что мне с трудом верится.

Она кивает.

– Я живу в Айлингтоне в квартире из нескольких комнат с двумя милыми парнями. Одна комната у нас сейчас свободна, ты можешь там переночевать хотя бы сегодня. А потом посмотрим. Что скажешь?

Что я скажу? Я скажу, что я самый счастливый человек во всем Лондоне, что мой мир внезапно встал на место, и мне очень хочется обнять Энни Френч.

– Ты самая лучшая, – говорю я, улыбаюсь и, видя ответную улыбку, понимаю, что нашла новую подругу.

– Тогда этот вопрос решен, – с хитрой улыбкой объявляет она. – А теперь вернемся к делам. – Она бросает взгляд на часы. – Совещание отдела начинается через десять минут. Ты прочла отчеты?

Услышав мой утвердительный ответ, Энни довольно кивает. Шадрах Алани, ее коллега, возвращается и берет со своего письменного стола стопку бумаг. Улыбается мне.

– Идете?

Мы вместе выходим из кабинета, и я снова примиряюсь со своей судьбой.

5

Мы садимся на Северную линию и через двадцать минут выходим на станции с красивым названием «Энджел».

– Отсюда нужно еще немного пройти пешком, – объявляет мне Энни, и я вздыхаю про себя, потому что чемодан сильно тормозит движение.

Однако, идя по улице, я забываю о весе, который тащу за собой, и восторженно оглядываюсь по сторонам. Айлингтон – по-настоящему красивый квартал. Плотный ряд двухэтажных домов, современных и старых, но красиво отреставрированных, тянется вдоль обрамленной деревьями улицы; здесь полно маленьких магазинчиков и бутиков с роскошными витринами: винтажные шмотки, произведения искусства, мебель, деликатесы и выпечка. Сердце подпрыгивает, когда я понимаю, что непременно хочу завоевать эту часть Лондона.

Энни замечает мой жадный взгляд и смеется.

– Хочешь при случае пройтись по магазинам с жительницей Лондона?

Я восхищенно киваю.

– Обязательно. – Возможно, мне удастся раскрыть секрет стильного облика своей новой соседки.

Мы проходим еще немного, затем Энни сворачивает налево, в улочку, заканчивающуюся тупиком. Здесь почти все дома одинаковые: двухэтажные, из коричневого кирпича, с красивыми белыми сводчатыми окнами. Совсем немного полностью белых, один коричневый трехэтажный. Перед ним Энни останавливается.

– Это здесь, – объявляет она и указывает на дверь на первом этаже.

Встав напротив нее, она несколько раз нажимает на верхний звонок, в то время как я с любопытством оглядываю свой новый дом, стоя на тротуаре. Усталость как рукой сняло. «Вообще-то мне даже повезло, что ничего не получилось с квартирой в Уайтчепел, – думаю я. – Это, наверное, даже намного лучше».

– У тебя нет ключа? – озадаченно спрашиваю я Энни, когда вижу, что она продолжает звонить.

Та усмехается.

– Есть, конечно. Но у меня нет ни малейшего желания волочить эту штуку вверх. – Она кивает на моего чемоданного монстра.

– А на каком этаже вы живете? – с ужасом спрашиваю я, когда до меня начинает доходить, что, вполне возможно, я не сумею втащить свой багаж по лестнице. Нелегко будет.

– На самом верху, но, как я уже говорила, носильщик, скорее всего, уже идет.

И действительно, в тот же миг дверь открывается и на пороге показывается молодой человек. У него светло-каштановые волосы, он производит впечатление спортивного, натренированного парня. Он испуганно глядит на Энни.

– Что случилось? Забыла ключи? – У него однозначно американский акцент, что немедленно делает его еще симпатичнее в моих глазах. Соотечественник, ура!

Энни поднимает вверх большую связку ключей и звенит ими на манер колокольчика.

– Нет, не забыла.

Молодой человек поднимает брови.

– И ты не могла открыть, потому что...

– ...в этом не было смысла. Потому что нам нужен ты. Это экстренный случай. – Она оборачивается и указывает на меня повернутой вверх ладонью. – Маркус, разреши представить тебе Грейс Лоусон из Чикаго. Грейс, это Маркус, приехал из Мэна поучиться в нашем славном Лондоне два семестра. Грейс – новая практикантка у нас на фирме и в настоящий

момент, к сожалению, оказалась без крыши над головой – это долгая история, расскажем позже, – поэтому сегодня она переночует у нас, в свободной комнате.

Похоже, Маркус лишь сейчас заметил меня и смотрит с таким же любопытством, с каким только что изучала его я. Затем его взгляд падает на стоящий рядом со мной чемодан.

– Понял, Маркус – швейцар, да? – произносит он, улыбаясь при этом. Очевидно, он так же мало может сердиться на Энни, как и я. Он пружинящим шагом спускается по ступенькам и, приблизившись ко мне, протягивает руку.

– Привет, Грейс.

– Здравствуй, Маркус. – Я пожимаю его руку и поражаюсь крепкой хватке.

– Ну что ж, давай поселим тебя. – Он усмехается. – Мы, американцы, должны держаться вместе.

За его спиной Энни закатывает глаза, а он поднимает чемодан и несет его по ступенькам, ведущим в дом, а затем исчезает внутри.

– Очень мило с твоей стороны, – кричу я ему вслед. – Спасибо.

– Считай, что мы оказываем тебе услугу, великан. Тебе ведь нужно тренироваться, – присоединяется ко мне Энни, а заметив мой недоуменный взгляд, поясняет: – Маркус – студент института физкультуры, ему летом предстоит принять участие в нескольких соревнованиях по легкой атлетике.

– И что, таскать тяжести ему полезно? – скептически переспрашиваю я.

– Ему нравится, поверь мне. Он всегда готов помочь, – успокаивает она меня, пока мы поднимаемся по множеству ступеней на верхний этаж.

– Вопрос в том, сколько это продлится, если ты будешь так его эксплуатировать, – отвечаю я, потому что ситуация все же немного неприятна.

Маркус ждет нас у открытой двери в квартиру. Чемодана рядом с ним нет, вероятно, он уже занес его внутрь. Он тяжело дышит, и совесть снова начинает мучить меня. Наверное, он ненавидит меня уже сейчас. Нехорошее начало для ночевки в квартире.

– Спасибо, – еще раз тихо повторяю я. – Это было действительно здорово.

– Не за что.

Он улыбается и впускает нас в квартиру. Коридор, начинающийся за дверью, длинный, с высокими стенами и старыми деревянными дверями, ведущими во все стороны. На стенах висят яркие картины и плакаты, а на узких полках между дверями стоят книги, что добавляет квартире уюта. Над дверной рамой закреплен оранжевый платок; во всей квартире так приятно пахнет смесью азиатских приправ, что у меня тут же просыпается зверский аппетит. Неудивительно, ведь за весь день я ничего толком не съела, всего пару печений, лежавших в вазе на столе, за которым проходило совещание.

– Судя по всему, сегодня все мужчины Лондона любезны с тобой, – шепчет мне Энни, пока мы вешаем куртки на вешалку за дверью, настолько заполненную одеждой, что кажется, будто она вот-вот рухнет.

Она шутливо толкает меня локтем, а осознав, что девушка намекает на наш разговор о Джонатане Хантингтоне, я снова заливаюсь краской. Но прежде чем я успеваю что-либо ответить, она уже убегает к двери в самом конце коридора:

– Посмотрю, не нужна ли Йену помощь в готовке. Покажешь ей комнату, да, Маркус?

В некотором смущении я остаюсь в коридоре с Маркусом. Должно быть, он примерно одного возраста со мной, может, немного старше, на нем белая футболка, под которой играют заметные мускулы, и узкие джинсы. У него милая улыбка, и он привлекателен, этого отрицать нельзя. Но если бы мне было позволено выбирать, кто из лондонских мужчин должен быть особенно любезным со мной с этого самого момента, мой выбор пал бы на Джонатана Хантингтона...

– О'кей, сюда, – говорит Маркус, отрывая меня от размышлений.

Он проводит меня немного дальше по коридору к двери рядом с той, над которой висит платок, и распакивает ее. Я заглядываю мимо него в довольно просторную комнату с кроватью, письменным столом под окнами, шкафом и несколькими книжными полками, которые, однако, все пусты. Комната кажется очень чистой и, очевидно, нежилой. Мой чемодан одиноко стоит на ковре возле кровати.

– Значит, на сегодня это будет твоя комната, – объявляет он, хотя я, конечно, так и поняла.

Я нерешительно вхожу и оглядываюсь по сторонам. Здесь как-то пусто и не так интересно, как в коридоре с плакатами и книгами, но это и неудивительно.

– А давно эта комната пустует? – спрашиваю я.

– Почти месяц, – отвечает Маркус. – Клэр, которая жила здесь раньше, вернулась обратно в Эдинбург. Она тоже работала в «Хантингтон венчурс», в отделе печати. Работа вообще-то была хорошей, но она нашла себе что-то другое. Довольно неожиданно. За комнату за этот месяц она заплатила, и мы просто еще не успели подыскать себе нового соседа.

Услышав эту новость, я пугаюсь. Значит, та женщина из отдела печати, о которой говорила Энни, была не просто ее коллегой, а еще и подругой? Может быть, поэтому она так настойчиво советовала мне не лезть к Джонатану Хантингтону? Что она знает о нем такое, о чем не хочет говорить мне?

– Что-то не так? – спрашивает Маркус. Он выглядит обеспокоенным, и я поспешно улыбаюсь, делая вид, что все в порядке.

– Нет-нет, – заверяю я его и возвращаюсь обратно в коридор.

Маркус показывает еще три двери, не открывая их и не демонстрируя остальные комнаты.

– Это мое царство, чуть дальше живет Йен, а там – резиденция нашей шефины. – Он говорит это с нежностью, и чувствуется, что они хорошо понимают друг друга. – А здесь, – он открывает дверь рядом с моей комнатой, – ванная.

Она не очень велика, и ей срочно требуется ремонт, но здесь есть все необходимое, да и чисто: ванна с кранами, которые нужно откручивать, выглядящими как предметы антиквариата, довольно потертая занавеска, унитаз и различные шкафчики. Часть из них открыта и демонстрирует приличную коллекцию всяческих женских и мужских туалетных принадлежностей, а также несколько стопок полотенец разных цветов, когда-то принадлежавших, очевидно, разным людям. Пестрое пляжное полотенце, еще влажное, сушится на бортике ванны. На стене напротив ванны висит большая картина с изображением пляжа и моря на закате.

– А теперь мы приближаемся к центру нашего царства, к кухне, – продолжает Маркус и идет дальше, к концу коридора, ведущего к большой светлой комнате с кухонной мебелью.

Это не дизайнерская кухня, здесь нет даже нормальной рабочей поверхности, ее обстановка состоит из нескольких старых шкафов, совсем старой плиты, большого серебристого холодильника, выглядящего очень современно и совершенно не вписывающегося в интерьер, и деревянного стола со стульями и скамейкой у окна.

У плиты стоит Энни с другим молодым человеком. Они обнимаются, и он что-то шепчет ей на ухо, заставляя смеяться. Я смущаюсь. Энни не говорила, что встречается с одним из «ребят», с которыми живет, но по их влюбленным взглядам становится ясно, что это, скорее всего, так.

Увидев нас, они отодвигаются друг от друга, и молодой человек с улыбкой оборачивается ко мне. Я с любопытством рассматриваю его повнимательнее. Он ниже, чем Маркус, но кажется жилистым. У него длинные светлые волосы, завязанные сзади в хвостик. На левом ухе у него красуется несколько колечек пирсинга, кожа рук в тех местах, которые видны из-под футболки, покрыта татуировками, равно как и часть шеи.

– Привет, я Йен, – здоровается он со мной, вытирая руки о полотенце, чтобы затем протянуть мне. Рукопожатие у него крепкое. – Энни сказала мне, что ты переночуешь сегодня у нас. – У него шотландский акцент, который кажется мне забавным. Он вообще классный парень, совершенно неповторимый.

– Пахнет вкусно, – говорю я и указываю на кастрюли, в которых он что-то помешивает.

– Мое фирменное блюдо: карри а ля Йен. Присаживайся, скоро будет готово. Маркус, откроешь вино? Бутылка стоит там.

Маркус принимает поручение и начинает возиться с бутылкой красного вина, стоящей на буфете, а я сажусь рядом с Энни, которая устроилась на скамейке за столом и листает журнал.

– Ну что, нравится тебе комната? – интересуется она.

Я киваю, но снова задумываюсь над вопросом, который не дает мне покоя.

– Энни, почему ты не сказала мне, что та женщина из печатного отдела, о которой ты говорила сегодня утром, была твоей подружкой?

Энни откладывает газету в сторону.

– Потому что она ею не была, вот почему. Мы жили вместе, и она была милой, но я ее никогда толком не понимала.

– Потому что она влюбилась в Джонатана Хантингтона?

– Да, в том числе.

– Сколько ей было лет?

– Двадцать семь. Знакомая Йена. Приехала из Эдинбурга, куда и вернулась. У нее была такая классная работа, настоящий шанс сделать карьеру. А она от него отказалась, потому что... – Она не договорила.

– «Потому что» что?

– Потому что не могла получить этого парня. Потому что он... ах, да откуда мне знать! Послушай, она никому не говорила, что именно там произошло, но одно я знаю точно: с Джонатаном Хантингтоном что-то не так. Так что предупреждаю последний раз: даже не думай!

– А я и не думаю, – поспешно оправдываюсь я.

– А почему ты не перестаешь об этом говорить?

Она права. Но эти вопросы просто не дают мне покоя.

– Ты считаешь, это имеет какое-то отношение к тому, что он благородного происхождения?

Теперь смеется Энни.

– Потому что все англичане из высшего света несколько эксцентричны? Грейс, ты смотришь слишком много фильмов. Это здесь совершенно ни при чем. Кроме того, он еще не совсем в высшем свете. Он будет следующим графом Локвудом, когда умрет его отец, который является графом на данный момент и живет в роскоши в поместье Локвуд, в расположенной к югу от города резиденции, на побережье. Все это перейдет по наследству к нашему боссу, даже место в Палате лордов, но по-настоящему частью аристократии он станет, когда старый граф прикажет долго жить. Виконт – лишь вежливый титул, принадлежащий старшему сыну, на самом деле Джонатан Хантингтон пока еще просто обыватель – и, как и ты, принадлежит к числу обычных людей. По крайней мере, пока что.

– Я не знала. – Я с ужасом вспоминаю слово «сэр», с которым я обратилась к нему в аэропорту. Боже мой, как же смешно я себя вела!

Энни усмехается.

– Можешь сразу забыть об этом. Ведь если ты обратишься к нему как к лорду Хантингтону – а ты можешь сделать это, это будет правильно, – в лучшем случае, получишь в ответ сердитый взгляд. Он имеет право так называться, но не ценит это. Но я не хочу больше говорить о Джонатане Хантингтоне, ладно? Наша бывшая соседка была на нем помешана

– хоть ты не начинай. – Она толкает меня в бок и улыбается. – Лучше наслаждайся восхитительной кулинарией Йена. У него студия татуажа чуть ниже по улице, и он так занят, что почти не приходит готовить.

Мы обе принимаем из рук Маркуса бокалы вина, и, когда вскоре после этого Йен ставит на стол восхитительно ароматную тарелку, мне действительно на некоторое время удается забыть о человеке, выбившем меня из состояния душевного равновесия. Я наслаждаюсь приятной атмосферой, царящей в кухне. Йен рассказывает веселые истории, случившиеся в его студии татуажа, а Маркус, конечно же, хочет знать точно, откуда я родом. Мне нравится быть не единственной иностранкой среди англичан, я наслаждаюсь его знакомым акцентом. И чем чаще я пересказываю казус со своим арендодателем – остальные никак не могут наслушаться и веселятся снова и снова, – тем больше он смешит меня саму.

В какой-то момент я чувствую, что наелась, немного пьяна и так устала, что едва могу держать глаза открытыми. Я быстро набираю телефон Хоуп, как ей обещала, и рассказываю о своей неудаче и счастливом разрешении ситуации. Затем прощаюсь с остальными, которые еще сидят в кухне, и иду спать. Выйдя из ванной, я обнаруживаю, что Энни застелила мою постель, и я так благодарна ей, что начинаю любить ее еще сильнее, чем прежде. Мне хватает сил только на то, чтобы достать из чемодана ночную сорочку, натянуть ее и нырнуть под одеяло.

Вообще-то я думала, что усну сразу же, но, несмотря на то что мое тело очень устало, голова продолжает работать, пролистывая картинки сегодняшнего дня. И то и дело подсовывает мне одну и ту же картинку. Проклятье! Энни права, я должна наконец перестать постоянно думать о Джонатане Хантингтоне. Я увижу его самое большее еще пару раз, издалека. Он не имеет никакого отношения к моей жизни. Так что забудь о нем, Грейс!

Он будущий граф, с местом в Палате лордов. Выросший в усадьбе. Как будто мало того, что он богат и ему принадлежит фирма. Между нами миры. Поэтому с завтрашнего дня я наконец возьмусь за ум, перестану о нем думать и сосредоточусь на работе. Это была моя последняя мысль, а затем я провалилась в сон.

6

– Вы серьезно?

Я смотрю на Энни, когда поезд метро, которое называют здесь «трубой», пронесется по стрелке и нас встряхивает. Половина восьмого утра, в вагоне полно людей, и всем им, как и нам, нужно в Сити, чтобы вовремя быть на работе, поэтому нам приходится стоять и крепко держаться за поручни.

– Иначе зачем бы я предлагала, – усмехается Энни. – Когда ты пошла спать, мы с ребятами обсудили это, и все были за. – Девушка подмигивает мне. – Особенно Маркус. Думаю, ты произвела на него особенно неизгладимое впечатление.

– Как мило с вашей стороны. – Я все еще не помню себя от счастья: я могу остаться в этой квартире на весь период практики! Энни только что предложила это, и мне хочется ущипнуть ее от радости и восхищения. Проснувшись сегодня утром, я ужаснулась предстоящим мне поискам пристанища. – Конечно же, я немедленно внесу свою долю квартплаты, – решительно заявляю я.

Энни отмахивается.

– Там видно будет. Тебе ведь нужно для начала пережить потерю трехсот фунтов. Кстати: можем сегодня после работы зайти в полицию и написать заявление, если хочешь. Кто знает, возможно, они поймают того парня.

– Да, давай, – отвечаю я, но втайне я уже совсем не огорчена тем, что у меня не сложилось с квартирой в Уайтчепел. Альтернатива-то намного лучше! Мне не придется сидеть вечерами одной в квартире, я смогу проводить время с тремя по-настоящему милыми людьми. У меня появился настоящий дом в этом чужом городе, и это потрясающее чувство. Все могло сложиться совсем иначе.

От станции метро «Мургейт» мы добегаем до здания компании «Хантингтон» у Лондонской стены. День снова обещает быть чудесным, небо голубое, безоблачное и отражает состояние моей души. Поднимаясь в лифте наверх, Энни рассказывает мне, на каких этажах находятся различные отделы.

– А где административный этаж? – Вопрос вырывается у меня прежде, чем я успеваю подумать.

Она поднимает брови.

– Ты опять начинаешь?

– Просто спросила, – оправдываюсь я, и Энни сдается. Она указывает на верхнюю кнопку на панели.

– На самом верху. Оттуда открывается фантастический вид на Сити.

Лифт останавливается на четвертом этаже, и мы снова оказываемся в холле отдела. Но мы не успели дойти до своих кабинетов: когда мы поравнялись с секретариатом, нас окликнула Вероника Хетчфилд.

– Минутку, мисс Лоусон. Только что звонил босс. Он хочет поговорить с вами.

Я застываю на месте. Босс? Затем я понимаю, что она наверняка имеет в виду начальника отдела.

– Спасибо, – отвечаю я и направляюсь к офису Клайва Реншоу. Но женщина останавливает меня.

– Не туда. Кабинет мистера Хантингтона наверху.

Я так судорожно сглатываю, что мне становится больно.

– Мистера Хантингтона? – хриплым голосом повторяю я. – Вы имеете в виду, что босс – мистер Хантингтон?

Она смотрит на меня, высоко подняв брови.

– Мистер Хантингтон – босс, именно, – повторяет она, и до меня доходит, насколько глупым был мой вопрос.

– То есть именно он хочет со мной поговорить?

– Так он сказал, когда только что звонил. – Она нетерпеливо машет рукой. – Так что вперед, не заставляйте его ждать. Он такого терпеть не может.

Стоящая рядом со мной Энни широко открывает глаза, да и Вероника, похоже, считает необычным, что меня уже на второй день практики вызывают на административный этаж, потому что внимательно приглядывается ко мне. И это нервирует меня еще сильнее.

– Ну, я пошла. – Я отдаю Энни свою сумочку и тонкий летний плащ, затем снова направляюсь к лифту, из которого мы только что вышли. Сердце выскакивает из груди.

– Поезжай на самый верх, там еще одна приемная. Секретарша проведет тебя к нему, – кричит мне вслед Энни, и я киваю, с неуверенной улыбкой оборачиваясь через плечо, прежде чем нажать на кнопку.

Лифт поднимается наверх с пугающей быстротой, а когда двери открываются, я с удивлением вхожу в средоточие власти «Хантингтон венчурс». Ух ты! Холл грандиозен, внешние стены, как и повсюду в здании, представляют собой огромные окна, и отсюда действительно открывается захватывающий вид на город. Здесь тихо, поскольку мягкое ковровое покрытие, кажется, поглощает все звуки. Мои тоже, когда я ступаю на него, проходя мимо двух благородных дизайнерских кресел, предназначенных, очевидно, для ожидающих посетителей, и направляюсь к темному письменному столу, стоящему между четырьмя дверями. Они, впрочем, не стеклянные, как внизу, и не позволяют увидеть, что находится за ними.

Привлекательная черноволосая женщина поднимает голову, когда я подхожу к ней. И приветливо улыбается.

– А, мисс Лоусон, – произносит она, как будто я бывала здесь уже сотню раз, и встает. – Мистер Хантингтон ожидает вас.

Она обходит письменный стол и направляется к двери справа. Ее синий, цвета сапфира, костюм выглядит дорого и элегантно, и я вдруг осознаю, что в плане модной одежды мне за ней не угнаться. Вчерашний черный наряд я сменила на светлую юбку и бледно-зеленую блузку. Стоя сегодня перед еще не распакованным чемоданом, я вспомнила слова Хоуп и подобрала то, что казалось мне наиболее весенним.

Я нервно поправляю узкую юбку, тут же пожалев об этом. Ее зеленый цвет далеко не так ярок, как синий цвет костюма секретарши, наоборот. Теперь он мне кажется очень скучным. Я поспешно оглядываю себя и расстегиваю еще одну пуговицу на блузке. Теперь в вырезе видны кружева сорочки, и я чувствую себя немного привлекательнее.

Женщина открывает дверь и сообщает, что я пришла. Кивнув мне, она приглашает меня войти в комнату, и я нерешительно повинуюсь. Как только я переступаю порог, дверь тут же закрывается снова, и я остаюсь наедине с боссом.

Джонатан Хантингтон сидит за широким элегантным столом из благородной древесины в конце длинной комнаты размером с конференц-зал на нашем этаже, где мы сидели вчера. Нет, она даже больше, с уголком из кожаных диванов коньячного цвета справа от меня и светлыми шкафами вдоль стен, очень гармонирующими с простой, но наверняка весьма дорогой обстановкой. Стена за письменным столом полностью стеклянная, а за ней раскинулась грандиозная панорама лондонского Сити.

«Какой вид», – думаю я, точно не зная, что производит на меня большее впечатление: город или мужчина, вставший из-за стола и направляющийся ко мне.

– Мисс Лоусон. – У него низкий и мягкий голос, и по спине у меня пробегает холодок из-за того, что он кажется мне таким приятным. С бьющимся сердцем я иду ему навстречу по толстому ковру. Я понятия не имею, что ему может быть от меня нужно, и страшно нервничаю.

Чем ближе мы подходим друг к другу, тем лучше я могу разглядеть его черты: угловатый подбородок, высокие скулы, полные губы. Я вижу его голубые глаза, особенно сильно выделяющиеся на загорелом лице, и эту легкую улыбку, которая так смутила меня еще вчера. Он снова во всем черном, и волосы спадают на лоб, однако сегодня он чисто выбрит.

Мы останавливаемся друг напротив друга, и я чувствую запах его лосьона, от которого у меня также подгибаются колени. Он протягивает мне руку, я ему тоже. Его рукопожатие теплое и крепкое, но длится всего секунду, он тут же выпускает мою руку и указывает на место для посетителей – стоящее напротив письменного стола обтянутое кожей кресло, гармонирующее с его собственным, расположенным с другой стороны стола.

– Присаживайтесь же.

Я нерешительно опускаюсь на широкое сиденье, в то время как он обходит стол и тоже садится.

– Сегодня не в черном? – спрашивает он, указывая на мою одежду.

– Э... нет, – отвечаю я, снова злясь из-за того, что послушалась Хоуп. Но откуда мне было знать, что сегодня я еще раз встречу с человеком, которому понравился мой черный наряд?

Он откидывается на спинку кресла.

– Как прошел первый день у нас, мисс Лоусон? Вы довольны?

Я удивленно гляжу на него. Он хочет узнать, как у меня дела? Это какая-то проверка?

– Я... спасибо, мне все нравится. Коллеги очень милы, особенно Энни... Энни Френч.

Она мне очень помогла.

– Да, я об этом слышал. Были какие-то трудности с квартирой?

Вот теперь я растерялась по-настоящему. Он знает об этом? Откуда? Клайву Реншоу я об этом не рассказывала. Но Вероника слышала наш разговор с Энни, когда мы вчера уходили. Может быть, Джонатан Хантингтон спрашивал ее об этом? И почему его вообще это интересует?

– К сожалению, я напоролась на мошенника, – говорю я ему, когда понимаю, что он ждет ответа. – Мнимый арендодатель взял залог за несуществующую квартиру. Но я смогла переночевать у Энни Френч, так что не осталась на улице.

Он склоняется вперед.

– Мы ни в коем случае не хотим, чтобы одна из наших практиканток была вынуждена спать на улице, – говорит он, и мне почти кажется, что его голос ласкает меня. Я с трудом сосредотачиваюсь на его словах. Возьми себя в руки, Грейс!

А он тем временем продолжает:

– Наш правовой отдел позаботится об этом деле. Мы немедленно составим заявление, и, надеюсь, полиции удастся задержать этого парня, чтобы вы смогли получить деньги обратно. Я полагаю, что существуют квитанции о произведенном вами переводе?

– Нет... я имею в виду, что да, документы есть. Но вам действительно нет необходимости что-либо предпринимать. Я и сама могу пойти в полицию.

От одной мысли о том, что он сейчас может спросить, как звали мнимого арендодателя, меня бросает в пот. Я наверняка умру от стыда, если придется признаться Джонатану Хантингтону в том, что я не знаю одну из самых известных английских легенд. Это и без того достаточно неприятно.

– Вы можете воспользоваться такой возможностью. Я на этом настаиваю, – не отступает он. – И решение вашей жилищной проблемы я уже тоже нашел. На время практики вы можете поселиться в одной из принадлежащих фирме квартир неподалеку. Мой шофер Стивен, которого вы уже знаете, отвезет вас туда позже и все покажет.

Меня словно водой облили, я смотрю на него, пытаюсь понять, что должна думать о его предложении. Он организовал для меня квартиру. О'кей, это мило. Ух ты! Даже очень

мило. Но ведь он мог бы и спросить меня, хочу ли я этого. Или нужно ли мне это. Почему-то меня злит то, что он снова все за меня решает. Как будто люди должны делать только то, что он говорит. Может быть, так и есть, напоминаю я себе. Поэтому он и добился такого успеха. Но даже если в прошлый раз ему удалось убедить меня принять его предложение, теперь мое решение твердо.

Я улыбаюсь.

– Большое спасибо, мистер Хантингтон, но я уже сама решила свою жилищную проблему. В квартире, которую мисс Френч снимает совместно с другими людьми, одна комната свободна, и сегодня утром она предложила мне переехать туда на время практики.

Он хмурит лоб.

– Комната в квартире совместного пользования не сравнится с квартирой, которую я предлагаю. Это пентхаус, который мы обычно предоставляем деловым партнерам, когда они приезжают в город. – Совершенно очевидно, что мое решение для него не имеет значения.

Но как бы круто это ни выглядело и каким бы интересным ни казалось, я вовсе не обязана соглашаться. И ни за что на свете я не откажусь от своей комнаты в Айлингтоне.

– Возможно, все так и есть, и я очень благодарна вам за предложение, – отвечаю я ему, – но в квартире, которую снимает мисс Френч, я чувствую себя очень комфортно, и мне хотелось бы там остаться.

– Ага. – Он с трудом скрывает свое удивление – и раздражение. – Что ж, это ваше решение. – Тон его голоса совершенно однозначно дает понять, что лично он обо всем этом думает, и на миг меня начинают терзать муки совести.

Наверное, он уже считает меня довольно-таки упрямой, раз я не хочу позволить ему помочь мне. Но я действительно не желаю сидеть в одиночестве в пентхаусе, если вместо этого могу развлекаться с Энни и ее друзьями.

Он хмурит лоб, очевидно, все еще озадаченный моим ответом, и, чтобы не видеть его критического взгляда, я опускаю глаза на его грудь. На его довольно широкую грудь. Как и вчера, на нем нет галстука, а воротник облегающей рубашки слегка расстегнут. Мой взгляд, словно замороженный, останавливается на загорелой коже, виднеющейся там, и во рту внезапно становится сухо. Я поспешно поднимаю глаза и встречаюсь с его взглядом.

– Это все? – спрашиваю я, беспокойно ерзая в кресле. Должно быть, это все. А что ему еще может быть от меня нужно?

– Нет, это еще не все, – решительно объявляет он, и я снова застываю в ожидании.

Я понятия не имею, что сейчас будет, но этот визит становится для меня почти мучительным. Почему он наконец не сжалится надо мной и не отпустит? Я имею в виду – ничто ведь не изменилось. Он босс, а я никто, просто девушка, которая может немного набраться опыта в его фирме. Благодаря нелепой случайности мне удалось привлечь к себе его внимание, но это продлится недолго. Пропасть между нами слишком широка. Сейчас все закончится, и, если мне очень повезет, я не опозорюсь в очередной раз.

Он снова откидывается на спинку кресла в этой своей совершенно расслабленной манере, источающей самоуверенность. Волосы падают ему на лоб, и он мимоходом откидывает их рукой. Жест не тщеславный, совершенно неосознанный, и поэтому кажется небрежным. Я снова задумываюсь о том, что его длинные волосы кажутся мне довольно красивыми. Это подходит не всякому, но ему – да. На миг я задаюсь вопросом, какие у него на ощупь волосы, настолько ли мягкие, как кажется, а потом замечая, что он что-то говорит, и снова сосредотачиваюсь на его словах.

– Клайв доложил мне, что во время первого совещания вы произвели хорошее впечатление. Похоже, вы очень активны и заинтересованны, обладаете хорошим чутьем на проекты, на которых специализируется этот отдел «Хантингтон венчурс», – кстати, это сердце нашего предприятия, которое так дорого мне и моему компаньону.

– Я знаю... в смысле, не то, что я произвела хорошее впечатление, этого я не знала, а то, что вложение инвестиций вам очень безразлично. Это ведь... философия вашей фирмы.

Что я несу? Говорю же, нужно выбираться отсюда, причем срочно.

Он улыбается, и я снова напрягаюсь. Если бы его зубы были идеальны, то Джонатан Хантингтон по-прежнему оставался бы очень привлекательным. Но этот маленький отколо-тый уголок придает его улыбке нечто совершенно неповторимое, и я не могу наглядеться на нее. Это делает его каким-то более настоящим и – ранимым. «Интересно, как это случи-лось?» – спрашиваю я себя.

– Вы хорошо информированы, – произносит он своим низким ласкающим голосом. – И можете радоваться, мисс Лоусон. С настоящего момента вы будете работать на меня.

– Э... я думала, что это уже так и есть, – озадаченно отвечаю я.

Его улыбка становится еще шире.

– Думаю, я неверно выразился. Конечно, *на* меня вы и так работаете, но с настоящего момента вы будете работать *со* мной.

Что? У меня замирает сердце.

– С вами? Я не понимаю...

– Я дам вам возможность заглянуть в управление этим предприятием. Вы станете сопровождать меня в качестве ассистентки. Будут и исключения, но вам предстоит присут-ствовать на большинстве моих переговоров, вы можете спрашивать меня обо всем, что вас интересует. В процессе принятия решений вы, конечно же, не будете принимать участия, но я буду рад выслушать ваше мнение, если у вас найдется что сказать.

Тон его голоса не вопросительный, он не предлагает мне, как будто у меня есть выбор, это распоряжение. Но я все равно колеблюсь.

Какая-то часть меня – тщеславная – ликует. Джек-пот, Грейс. Ты можешь сопровождать Джонатана Хантингтона, заглядывать ему через плечо, пока он управляет этим предприя-тием. Ты увидишь такое, о чем даже мечтать не смела. Это совершенно потрясающий шанс.

Но есть и другой голос, чуть тише. Который предупреждает меня. Относительно муж-чины, рядом с которым мне становится трудно сохранять ясность мышления. И от которого мне стоит держаться подальше, если верить Энни. Действительно ли он всего лишь хочет дать мне шанс – или у этого невероятного предложения есть какая-то иная причина?

– Почему вы мне это предлагаете? – Я задаю вопрос прежде, чем успеваю задуматься. Он просто вырывается у меня.

Он поднимает брови, негромко фыркает и с улыбкой качает головой. Очевидно, он считает меня довольно забавной.

– Вы предпочитаете остаться в отделе инвестиций? – Он снова говорит это тоном, недвусмысленно дающим понять, что у меня не все дома. – Если вы не хотите воспользо-ваться таким шансом, то...

– Нет, конечно, я хочу. – Моя тщеславная часть поспешно заверяет его в этом прежде, чем другая часть успевает даже задуматься над этим. – Я... просто удивляюсь.

– Чему?

Этот мужчина сведет меня с ума. Я смотрю на него почти в отчаянии, потому что не знаю, осмелюсь ли я задать ему вопрос, который вертится у меня на языке.

– Вы часто так поступаете? – На этот раз вопрос задает та часть меня, которая всегда начеку. Если да, то в этом нет ничего особенного. Но если нет – то почему я?

Он снова смотрит на меня этим отчасти раздраженным, отчасти веселым взглядом и убирает волосы со лба.

– Что, делаю любезные предложения? Нет, не часто. И в дальнейшем могу перестать. Потому что у вас с этим, похоже, настоящая проблема, мисс Лоусон.

– Нет, вы неверно меня поняли, я...

Я глубоко вздыхаю. «А даже если и так?» – думаю я и отмечаю все предупреждения Энни и собственные сомнения. Даже если у него другие мотивы, какими бы они ни были, – неужели я действительно хочу отказаться от возможности, которую он мне предоставляет? Я имею в виду... блин! Джонатан Хантингтон хочет быть со мной любезным. Нельзя ведь отказываться.

– Я потрясена. Правда. И с удовольствием возьмусь за это.

На миг он замолкает, не сводя с меня взгляда своих голубых глаз. Испытующего. Как будто ждет, что я вот-вот передумаю.

– Ну что ж, – произносит он наконец и поднимается. – За это нужно выпить.

Он направляется к одному из шкафов, стоящих возле кожаного дивана, и, когда он открывает его, я вижу бар. Удивленно бросаю взгляд на часы. Не собирается же он так рано пить алкоголь?

Тут он оборачивается.

– Идите сюда, – требует он.

В обеих руках он держит два высоких бокала с темно-оранжевой жидкостью. Когда я приближаюсь, он протягивает мне один из них. Я осторожно заглядываю внутрь.

– Что это?

– Фруктовый коктейль. – Один уголок его губ насмешливо приподнимается. Очевидно, он прочел мои мысли. – У меня долгие дни, и некоторое количество витаминов с утра не помешает. Обычно я так рано алкоголь не пью.

– Нет, конечно нет, – отвечаю я, а про себя стенаю, потому что меня так легко увидеть насквозь.

В дверь стучат, и мгновением позже на пороге появляется черноволосая красавица.

– Мистер Хантингтон, можно вас на минутку?

– Секундочку, – говорит он мне и ставит свой бокал на стеклянный столик напротив дивана. – Я сейчас вернусь.

Я в нерешительности застываю с коктейлем в руке, одна в огромном офисе. Я все еще в страшной растерянности, но внезапно начинаю ощущать приятное волнение. До меня по-настоящему доходит, что это все для меня означает. Какой шанс!

Минуту или две я не двигаюсь с места. Но поскольку он, похоже вернется не скоро, я впервые по-настоящему оглядываю комнату – и замечаю дверь в стене, на которую прежде не обращала внимания. Она слегка приоткрыта.

Я с любопытством обхожу диван и приближаюсь к ней, однако щель настолько узка, что в нее ничего не видно. Поэтому я осторожно приоткрываю дверь, а увидев, что находится за ней, распахиваю полностью. За дверью обнаруживается спальня. В ней – широкая кровать с решетчатым изголовьем, накрытая светло-коричневым покрывалом, а также высокие встроенные шкафы у стен. Еще одна дверь, похоже, ведет в умывальную комнату или небольшую ванную. Здесь внешняя стена тоже полностью стеклянная, но есть тканевые жалюзи, которые при желании можно закрыть.

Я с удивлением разглядываю комнату. О том, что он действительно может ночевать в своем офисе, я не думала. Но, может быть, он часто работает допоздна. Или... От мысли о том, чем еще он может здесь заниматься, кровь приливает у меня к щекам.

Внезапно я чувствую движение воздуха и оборачиваюсь. За моей спиной стоит Джонатан Хантингтон и смотрит на меня. В руке он снова держит бокал. Я не слышала, как он вошел.

– О, простите, – лепечу я. – Я не хотела быть излишне любопытной, но...

– Но так получилось, – заканчивает он за меня.

На секунду мне кажется, что я все испортила. Я вторглась в его личную сферу, и сейчас он разозлится и возьмет свое предложение назад. Затаив дыхание, я жду резких слов, которыми он наверняка поставит меня на место.

Но он одаривает меня одной из своих обезоруживающих улыбок.

— Когда оказывается, что уже очень поздно, часто у меня нет ни малейшего желания ехать в Найтсбридж. Тогда я ночую здесь, — поясняет он. — Но, — он поднимает руку, и мне уже кажется, что он собирается меня коснуться, однако он всего лишь опирается на дверную раму за моей спиной, — я никогда не смешиваю работу и личную жизнь. Так что не переживайте.

Я просто смотрю на него, поскольку чувствую, что мой голос не совсем повинуется мне, и спрашиваю себя, что он мог иметь в виду. По поводу чего я должна — или не должна — переживать? Наверняка ведь не о том, о чем я только что подумала. Или о том? Я просто не могу ясно мыслить, когда он стоит прямо напротив меня.

Его рука совсем рядом с моим лицом, и я чувствую тепло, исходящее от его тела. Словно сам по себе, мой взгляд на миг перемещается к его губам, всего на миг, но, прежде чем я успеваю сдержаться, из моей груди вырывается вздох. Его улыбка исчезает, он становится серьезным, смотрит так же, как и тогда, в автомобиле, когда я навалилась на него. Моя грудь вздымается и опускается, пульс несется вскачь, в то время как я тону в его голубых глазах. Целую вечность — или каких-то пару секунд, не знаю, — мы стоим друг напротив друга. Затем он опускает руку.

— Итак, — он поднимает бокал, — за хорошее сотрудничество, Грейс.

Я испуганно выхожу из своего трансового состояния, когда его бокал соприкасается с моим.

— Да. За хорошее сотрудничество, — выдыхаю я, размышляя, значит ли это, что теперь я тоже должна называть его по имени. Однако предпочитаю не пробовать, из опасения снова сделать что-то не так.

Я зачарованно наблюдаю за тем, как движется его кадык, когда он пьет. Потом осознаю, что таращусь на него, и поспешно подношу к губам бокал. Однако я слишком спешу, и, когда сладкий сок наполняет мой рот, захлебываюсь и начинаю кашлять. Я чувствую, как он хлопает меня по спине, а сама тем временем пытаюсь отдышаться. Проклятье, Грейс, ты можешь обойтись без глупостей, когда рядом находится Джонатан Хантингтон?

— Все в порядке?

Поднимая голову, я вижу веселый блеск в его глазах. Я морщусь и киваю.

— Да, уже все прошло.

Он возвращается в комнату и ставит свой бокал на журнальный столик.

— Лучше всего будет, если вы принесете снизу свои вещи и скажете там, что теперь будете работать здесь наверху, у меня. Все остальное обсудим чуть позже, — произносит он и снова направляется к своему письменному столу.

— Хорошо, тогда... до скорого, — говорю я и иду в противоположную сторону, все еще пребывая в некоторой растерянности. В дверях я еще раз оборачиваюсь. — И... спасибо.

Он стоит за своим письменным столом и только кивает. Отсюда я не вижу выражения его глаз.

— Поспешите. Через час у нас первая встреча.

С горячими щеками и гулко бьющимся сердцем я иду обратно к лифту мимо черноволосой секретарши.

7

– Он – *что?* – Энни в недоумении смотрит на меня. – Ты шутишь?

Мы стоим в кухне, потому что я хотела поговорить с ней наедине, и я только что сообщила ей новость.

– Круто, да? – Я произношу это с надеждой, поскольку еще в лифте решила воспринимать случившееся как то, чем оно и является – уникальным шансом, подобного которому у меня наверняка больше не будет. – Очевидно, я прошла проверку, о которой ты говорила вчера.

Энни качает головой.

– Это наше внутреннее дело, босс не имеет к этому отношения.

– О! – Я связала эти два факта потому, что это показалось мне логичным. – Он сказал, что разговаривал с мистером Реншоу, что вчера во время совещания я произвела хорошее впечатление, и я подумала...

Энни хмурит лоб.

– Здесь что-то не так, Грейс.

– Но ты ведь сама говорила, что я не должна ничего интерпретировать, – оправдываюсь я. – А теперь скажи честно: ты отказалась бы от такого предложения?

Энни задумчиво выпячивает губы.

– В том-то и дело. Предложение слишком хорошее, чтобы от него отказываться.

– Вот именно, – упрямо заявляю я. Она смущает меня, и мне это не нравится. Уловив мой кислый тон, подруга смотрит на меня, как бы извиняясь.

– Грейс, он никогда не делал ничего подобного. У нас здесь постоянно бывают практикантки, но ни у одной из них не было прямых контактов с ним, не говоря уже о том, чтобы они получали право работать непосредственно с ним. Это... странно. И кроме того... – Она замолкает.

– «И кроме того» что?

Она смотрит на меня почти умоляюще.

– Это просто нехорошо. То, что ты все равно боготворишь его. И не отрицай, так и есть, я же вижу. Это ведь произошло еще тогда, когда он привез тебя сюда из аэропорта.

Я невольно вспоминаю мгновение в лимузине, когда я была так близко к нему. К счастью, об этом я Энни не рассказывала.

– А даже если и так... – оправдываюсь я.

– Это не может закончиться хорошо, – настаивает Энни, и ее обеспокоенный взгляд внезапно начинает меня злить. Возможно, за этим нет ничего, но если и есть – почему то, что Джонатан Хантингтон заинтересовался мной, обязательно должно завершиться катастрофой?

– Значит, то, что он – неважно, по какой причине, – действительно мог счесть меня милой, совершенно исключено, да?

Энни выдерживает мой разъяренный взгляд.

– Опыт подсказывает, что это так, да.

– Чей опыт? Твой? Почему ты не хочешь мне поведать наконец, чем так чертовски опасен Джонатан Хантингтон, почему с ним всегда нужно быть начеку?

Энни отставляет в сторону свой стакан и берет меня за плечи. Пристально смотрит в глаза.

– Я просто не хочу, чтобы он сделал тебе больно, понимаешь?

– Но ведь он ничего мне не сделал – он просто предоставил мне шанс!

Глубоко вздохнув, Энни отпускает меня.

– Послушай, возможно, я ошибаюсь. Конечно, это просто потрясающее предложение. Но не соглашайся на то, что тебе не понравится. Никогда. – Она поднимает взгляд. – И не влюбись в него. Ни в коем случае. Поняла?

– Ладно, – отвечаю я, хотя и не уверена в том, как этого можно избежать. Сумею ли я не влюбиться, раз не хочу этого? – Если тебя это успокоит.

Наконец-то она снова улыбается и по-дружески толкает меня.

– Ну хоть переехать в пентахус ты отказалась. Значит, вечером мы будем возвращаться домой вместе, и я присмотрю, чтобы ты ничего не натворила.

– Ты говоришь, как моя младшая сестра, – смеясь, произношу я, радуясь тому, что она на меня не злится. – Она постоянно за меня переживает.

– Наверное, у нее есть на то причины, – отвечает Энни. – А теперь тебе пора наверх. Ты ведь слышала, что сказала Вероника: босс не любит ждать.

Я еще раз обнимаю ее.

– Тогда увидимся сегодня вечером.

– Я дождусь, когда ты освободишься там, наверху, – говорит она и указывает пальцем на потолок. – Тогда мы сможем вместе поехать домой. Мы с мальчиками и так уже потеряли одну соседку из-за того, что она слишком много времени проводила на административном этаже. Не хочется, чтобы это повторилось.

Я виновато киваю. Я ведь знаю, что она хочет как лучше, но все равно радуюсь предстоящей работе с Джонатаном Хантингтоном, несмотря на предупреждение Энни. Я просто ничего не могу с собой поделать.

Мы вместе выходим из кухни, и я снова – на этот раз с сумочкой и плащом – направляюсь на самый верх, на административный этаж.

Когда я выхожу из лифта, брюнетка сидит на своем месте. Я не совсем уверена, могу ли я просто пройти в его офис мимо нее, поэтому замедляю шаг и вопросительно смотрю на секретаршу. Она улыбается.

– Я ведь еще не представилась, – говорит она и встает, чтобы протянуть мне руку. – Я Кэтрин Шепард. Добро пожаловать, мисс Лоусон.

– Очень приятно, – отвечаю я, но не совсем уверена, что ей тоже приятно. Да, она улыбается, но ее улыбка кажется нейтральной и профессиональной. Я не могу понять, что она на самом деле думает обо мне, и это меня нервирует.

– Я могу войти?

– Еще минутку, – просит она и возвращается за свой стол. Берет несколько документов, прикрепленных к папке, и протягивает их мне вместе с ручкой.

– Подпишите это, пожалуйста.

Я проверяю текст. Три страницы мелким шрифтом. Смысл ясен.

– Обязательство о неразглашении информации?

– Верно. Мы должны быть уверены, думаю, вы понимаете. Ничто из того, что вы узнаете здесь за время своего пребывания, не должно просочиться наружу. Если вы нарушите обязательство, наш правовой отдел немедленно предпримет соответствующие шаги. – Теперь ее улыбка становится слащавой, и мне не нравится то, как она произносит слово «мы». Как будто я уж точно не имею к ним никакого отношения.

Не вчитываясь в отдельные параграфы, я беру ручку и подписываю, а затем с улыбкой возвращаю листки ей. Я не собираюсь болтать лишнее, но и не намерена доставлять этой женщине удовольствие, дав почувствовать, что она вселила в меня неуверенность.

– Что-нибудь еще? – подчеркнуто скучающим тоном интересуюсь я.

– Теперь можете войти, – отвечает Кэтрин Шепард. К сожалению, по ней не видно, произвела ли я на нее впечатление. Я широким шагом приближаюсь к двери офиса Джонатана Хантингтона и, постучав, вхожу.

Джонатан стоит у своего письменного стола у окна и разговаривает по мобильному телефону. Увидев меня, он делает мне знак войти. Пока я иду к нему, он заканчивает разговор и возвращается к своему столу, где берет в руки какие-то бумаги.

– Еще что-то подписать? – спрашиваю я и тут же жалею об этом, потому что сознаю: я веду себя как капризный ребенок.

Он поднимает брови. Очевидно, он хорошо понимает, что я имею в виду.

– Это обязательство – необходимая предосторожность. – Он говорит спокойно, но решительно. – У вас с этим какие-то проблемы, Грейс? – Я чувствую, что от моего ответа зависит, останется ли предложение в силе.

– Нет, – заверяю я его. – Я все равно не собиралась рассказывать тайны «Хантингтон венчурс» всему миру.

– Если бы вы это сделали, это обошлось бы вам очень дорого. – Он лишь предупреждает, но говорит с такой самоуверенностью, что я тут же понимаю разницу. Он возглавляет очень успешное предприятие. Если я пойду против него, у меня не будет ни малейшего шанса. Даже призрачного.

И тут до меня доходит, что меня так разозлило. То, что он мне не доверяет. Что, конечно же, сущий бред. Он не знает меня и должен соблюдать осторожность, предоставляя мне доступ к своим делам. Но мне все равно обидно.

– Как я уже упоминала, я даже не собиралась, – повторяю я и уже жалею, что вообще заговорила об этом.

Похоже, Джонатан того же мнения, поскольку он протягивает мне документы.

– Вот, это документы по проекту, по поводу которого у нас сейчас будет совещание. Вы можете сесть там и просмотреть их, чтобы знать, о чем идет речь. – Он указывает на кожаный диван и слегка улыбается, затем садится на свой стул и снова берет телефонную трубку.

Я послушно выполняю указание и присаживаюсь на широкий кожаный диван. Вчитываясь в документы, я вполуха слушаю, что он обсуждает по телефону. Но поскольку слышу я только его, то не понимаю, о чем идет речь. В любом случае, это не личное.

Я украдкой бросаю на него взгляд и прислушиваюсь к его голосу. Он низкий и решительный, и почему-то я уверена, что Джонатан получит то, чего хочет. Он закатал рукава своей рубашки. У него сильные руки, и я вижу проступающие под кожей сухожилия. Я не могу отвести от них взгляд, и у меня тут же снова начинает сосать под ложечкой. Интересно, каково было бы почувствовать, как он обнимает меня этими руками...

Я судорожно сглатываю, потому что во рту у меня внезапно становится совершенно сухо. «Он не обнимет тебя, Грейс, так что успокойся», – напоминаю я себе. Он ведь даже не обращает на меня внимания, как будто меня здесь и нет вовсе. Вот и все на тему опасного Джонатана Хантингтона, которого мне нужно остерегаться. Похоже, не много-то ему от меня нужно.

«А что ему должно быть от тебя нужно?» – спрашивает тихий гложущий голос внутри меня. Я неосознанно вздыхаю, что замечаю только тогда, когда он поднимает голову и вопросительно смотрит на меня. Наши взгляды встречаются на какой-то долгий миг, и меня окутывает волна жара, окрашивая щеки.

– Все в порядке? – спрашивает он.

– Да, да, все хорошо, – поспешно заверяю я его, но мой голос слегка дрожит.

Я поспешно перевожу взгляд на бумаги. Ничего не могу поделать с тем, что у меня перехватывает дыхание, когда я смотрю ему в глаза дольше, чем пару секунд. Это пугает, и с этим срочно нужно что-то делать, если я хочу пережить следующие недели. Вот только что?

Я нахожу его привлекательным. Очень привлекательным. Самым привлекательным из всех, кого я знаю. Из-за этого возникает проблема. Потому что у меня, к сожалению, нет опыта с мужчинами. Вообще нет. По крайней мере такого, который включал бы в себя физическое притяжение. Те немногие ребята, с которыми я встречалась, были милыми, но никто из них не вызывал у меня настолько ошеломляющих чувств.

Да, я знаю. Довольно невероятно в мои двадцать два года. Просто я отстаю в развитии. Или, быть может, чересчур осторожна. В отличие от Хоуп, которая на два года младше меня, я пережила развод родителей в осознанном возрасте. Папа вдруг исчез, а мама была несчастна и много плакала. В какой-то момент, когда я немного подросла, до меня дошло, что не обязательно отношения между мужчиной и женщиной должны заканчиваться именно так. Но, несмотря на это, я была начеку, чувствуя, что должна защищаться. У Хоуп таких проблем нет, она меняет парней и поклонников с завидной регулярностью. А вот я... Меня никогда по-настоящему не интересовали мужчины, или просто никого подходящего рядом не оказывалось. До сих пор...

Покачивая головой, я снова пытаюсь сосредоточиться на лежащем у меня на коленях отчете. Это так типично для меня: то, что я наконец готова попробовать именно с тем мужчиной, которого мне не получить никогда, относительно которого меня так настойчиво предупреждали. Попытаться поддаться чувству, которое притягивает меня к нему...

Джонатан заканчивает разговор и набирает другой номер. Проходит несколько секунд, прежде чем я понимаю, что он говорит не по-английски, а по-японски.

Я поднимаю голову почти с испугом – и снова встречаюсь с ним взглядом. Но на этот раз в его взгляде нет вопроса, как раньше. Нет, он смотрит на меня, нахмутив лоб, продолжая говорить, и мне снова кажется, что речь идет обо мне. В груди снова поселяется щеко-чущее чувство. Это совершенно невозможно, успокаиваю я себя. Зачем ему говорить с Юуто Нагао или кем бы там ни было обо мне?

В какой-то момент он поворачивает голову в сторону, и мое дыхание снова выравнивается. Нет, дальше так не может продолжаться. Я не смогу просидеть на этом диване три месяца и каждый раз вздрагивать от его взгляда. Этого я не выдержу, этого моим нервам не пережить.

– Как... вы себе это представляете? – спрашиваю я, когда он кладет трубку. – Я должна все время работать за журнальным столиком?

Он удивляется, а затем слегка улыбается.

– Вам опять что-то не нравится?

«Он вообще не воспринимает меня всерьез», – думаю я и вдруг прихожу в ярость. Зачем он тогда предложил мне это? Что здесь происходит, какая-то игра?

И, прежде чем я успеваю придумать достойный ответ, он уже продолжает:

– С завтрашнего дня вы сможете работать в соседнем кабинете. Сейчас он пустует. А сегодня вам придется смириться с моим присутствием. Впрочем, нам все равно предстоит немало поездить.

«Наверное, на уровне управления компанией еще одна дама сложила оружие и покинула фирму», – размышляю я.

– Вы готовы? – спрашивает он, отвлекая меня от размышлений. Он уже поднялся со своего места, и совершенно очевидно: если я не готова, ему это безразлично.

Я киваю, несмотря на то что успела лишь просмотреть отчеты. Теперь я примерно понимаю, о чем речь, этого должно хватить.

– Ладно, тогда идемте, – произносит он и проходит к двери мимо меня. Я беру сумочку, зажимаю бумаги под мышкой и следую за ним.

8

Все это очень напряженно и никак не желает заканчиваться. Никогда не думала, что дни Джонатана Хантингтона настолько заполнены работой. Я действительно ездила с ним повсюду, сначала на встречу с молодым бизнесменом, только что запатентовавшим новый тип процессора – это было написано в отчете, который я успела только просмотреть. «Хантингтон венчурс» теперь подыскивал для него подходящего инвестора, чтобы воплотить идею в жизнь и заставить ее приносить доход. За ней последовали новые встречи, два заседания на фирме, во время которых некоторые отделы информировали его о ходе развития событий, быстрый обед в роскошном сэндвич-баре неподалеку от собора Святого Павла, куда нас подвез на лимузине шофер Стивен; мне пришлось читать отчеты, пока он разговаривал по мобильному. Затем еще две встречи, на этот раз с инвесторами, и наконец – посещение галереи на Кингс Кросс, где открылась выставка молодого художника, спонсируемого принадлежащим «Хантингтон венчурс» фондом культурного развития.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.